

Афганская Арена

Волошенюк В. В.

Кадеты Киевского СВУ

**Издательский дом
«КИЙ»
2017**

ББК 68.424
В68

В.В. Волошенюк

В68 Кадеты киевского СВУ / Под редакцией и при участии В.И. Аблазова. – К. : Издательский дом «КИИ», 2017. – 128 с.
ISBN 978-617-717-709-7

В книге описываются события и люди века минувшего. Суворовские училища, пришедшие на смену Кадетским корпусам, воспитали славленную плеяду советских офицеров и генералов. Отсчитанное им историческое время в Украине тоже истекло. Многие его выпускники, офицеры-воспитатели, преподаватели уже ушли от нас навсегда, но они в нашей памяти. Хочется, чтобы для тех, кто сегодня носит погоны в свои четырнадцать лет, и для кого стены училища стали вторым домом, открылась еще одна страничка из многогранного военно-исторического прошлого. При этом автор пытается максимально снять глянец с жизни воспитанников Киевского СВУ, который добросовестно накладывался военно-политическими и партийными органами Советской Армии в течение многих десятилетий его существования. Бесспорным остается то, что за века своего существования чувство чести и долга, дух кадетского братства воспитывался в выпускниках и несли они эти качества сквозь годы всей своей жизни с искренней признательностью и любовью к своим воспитателям и наставникам.

ББК 68.424

ISBN 978-617-717-709-7

© Волошенюк В.В., 2017

НАСЛЕДНИКИ ПОЛКОВОДЦЕВ В «НАУКЕ ПОБЕЖДАТЬ»

«Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; избегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель: которые суть моим символам».

Генералиссимус, князь Итальянский граф
Александр Васильевич Суворов-
Рымникский.

Кадет (*фр.* — младший, несовершеннолетний) — так назывались в дореволюционной Франции молодые дворяне, определявшиеся на военную службу.

Цивилизованное общество всегда поддерживало генетический интерес молодых людей — мальчиков и юношей к военным играм, военной форме, оружию, их стремление подражать смелым, мужественным, благородным героям.

Одной из форм государственной поддержки таких идеалистических устремлений молодежи стало формирование в ряде стран особых военно-учебных заведений — кадетских корпусов.

В первой статье «Положения о кадетских корпусах» в Российской империи 1886 года говорилось:

«Кадетские корпуса имеют целью доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании, и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание».

Государство через кадетские корпуса решало две задачи: во-первых, оказывало помощь в воспитании детей семьям воинов или гражданских лиц, погибших, потерявших здоровье или отличившихся при защите Отечества или на службе ему; во-вторых, давало детям, выбравшим для себя военную службу в офицерском звании, общее и начальное военное образование и соответствующее будущему офицеру воспитание.

Однако вместе с крушением Российской империи в 1917 г. вся существовавшая система подготовки военных кадров была до основания разрушена и места в обществе для воинских традиций и учебных заведений, подобных кадетским корпусам, не было.

Но в предвоенный период новое руководство страны осознало, что юношей, решивших стать офицерами, целесообразно готовить к этому важному шагу в их жизни еще со школьной скамьи. Так в системе Народного Комиссариата просвещения были созданы специальные школы (спецшколы) — средние учебные заведения, предназначенные для подготовки юношей к поступлению в военные училища.

Артиллерийские спецшколы существовали с 1937 по 1946 год, затем в 1947 г. они были реорганизованы в артиллерийские подготовительные училища, завершившие свою историю в 1955 году.

Военно-морские спецшколы и спецшколы ВВС были сформированы в 1940 году. Будущих моряков в них готовили до 1944 г., а летчиков — до 1955 года.

Учились в спецшколах 3 года, с восьмого по десятый класс. Кроме общеобразовательных дисциплин в учебные

планы были включены основы военного дела, воинские уставы, строевая и физическая подготовка. Местные учащиеся жили дома, а иногородние — в общежитии. Летом в спецшколах проводился двухмесячный лагерный сбор.

В годы Великой Отечественной войны суровая необходимость заставила руководство страны обратиться к славной военной истории. Были учреждены государственные награды, носящие имена великих полководцев и флотоводцев, в армии введены погоны и воинские звания. Появилась необходимость в создании учебных заведений по образцу кадетских корпусов.

Шел третий год Великой Отечественной войны, год коренного перелома Второй мировой войны в целом. Враг продолжал оказывать Красной Армии упорное сопротивление, разрушал наши города и села. Радость освобождения омрачалась бедственным положением спасенного от фашистской оккупации гражданского населения этих районов. Тысячи детей дошкольного и школьного возраста стали круглыми сиротами или полусиротами, многие из них потеряли не только своих родителей, но и ближайших родственников, остались без крова, без средств к существованию.

После Курской битвы, 21 августа 1943 года руководство страны приняло Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором, в частности, говорилось:

«Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать... девять суворовских военных училищ, типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитан-

---

ников... Суворовские военные училища имеют целью подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование и соответствующее их предназначению воспитание... В суворовские военные училища принимать мальчиков с десятилетнего возраста со сроком обучения 7 лет. При училищах организовывать младшие и старшие пригготовительные классы с годичным сроком обучения в каждом классе. В пригготовительные классы принимать детей в возрасте от 8 до 10 лет».

Народный комиссариат обороны (НКО) в течение двух месяцев, с октября по ноябрь 1943 г. включительно, должен был сформировать девять суворовских военных училищ: Краснодарское (в городе Майкопе), Новочеркасское, Сталинградское (в городе Астрахани), Воронежское, Харьковское (в городе Чугуеве), Курское, Орловское (в городе Ельце), Калининское и Ставропольское.

Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) для детей пограничников сформировал два суворовских военных училища — Ташкентское и Кутаисское, ставшее в 1946 г. Ленинградским, а позже получившее статус суворовского пограничного военного училища. Первого декабря 1943 года суворовские училища войск НКВД, как и суворовские училища РККА, приступили к учебе.

Следует отметить, что суворовские военные училища, входившие в систему НКВД, первый выпуск своих воспитанников произвели уже в 1945 году, т.е. менее чем через полтора года после их сформирования. Первый выпуск суворовских военных училищ, сформированных НКО, состоялся лишь в 1948 году.

Для детей моряков решением Наркома ВМФ в 1944–1945 гг. были сформированы Тбилисское, Ленинградское и Рижское нахимовские военно-морские училища. Однако существование Рижского и Тбилисского НВМУ было недолго-

---

вечным. Первое прекратило свое существование в 1953 году, а второе — в 1955 г.

Генеральный штаб Красной Армии 27 августа 1943 года издал директиву, в которой были определены конкретные мероприятия по формированию СВУ и сроки их выполнения. Она предписывала «формирование училищ закончить к 20 ноября, с расчетом начать занятия 1 декабря 1943 года». Директива требовала для суворовских училищ «отобрать лучший офицерский состав, имеющий достаточный опыт в педагогической и воспитательной работе и практический стаж в командовании подразделениями и частями Красной Армии. При наличии всех этих качеств, преимущество отдавать офицерам, имеющим боевой опыт».

30 августа в училища был выслан штат постоянного состава: генерал — 1, офицеров — 49, сержантов — 31, рядовых — 13, вольнонаемных — 186 человек. Согласно «Положению о Суворовских военных училищах» и штатам начальник училища пользовался правами командира дивизии.

Должностные оклады руководящего состава были определены в среднем на 25% выше окладов таких же должностных лиц военных училищ.

Получили училища и подробную инструкцию о наборе воспитанников. Именно так называли тогда первых суворовцев — «воспитанник». И только через два года воспитанников СВУ стали называть «суворовцами».

Несмотря на острую потребность в офицерских кадрах на фронте, Главное управление кадров НКО направило из действующей армии на различные должности в СВУ необходимое количество офицеров-фронтовиков, имеющих педагогическое образование и опыт работы в школе.

Контингент воспитанников первого набора 1943 года состоял не менее чем на 85% из числа детей погибших воинов

нашей армии. Это были мальчики, испытывавшие ужасы войны, пережившие бомбежки и артобстрелы, голод и холод военного лихолетья. Были ребята, на глазах которых фашисты расстреляли родителей и родственников.

В СВУ были приняты и сыны полков, принимавшие участие в боевых действиях, за что многие из них получили ордена и медали. К 1 декабря 1943 года не все училища набрали положенное число учащихся. Остальных присылали во время учебы из действующей армии, из партизанских отрядов, из разрушенных городов и деревень, из госпиталей...

Все суворовцы сводились в роты согласно штату. В первой роте были воспитанники двух старших классов — шестого и седьмого. Она состояла из трех взводов, состоящих из отделений. На должности командиров отделений и заместителей командиров взводов назначались лучшие суворовцы, которым соответственно присваивались звания «вице-сержант» и «старший вице-сержант». Позднее была введена для суворовцев должность старшины роты и звание «вице-старшина».

Остальные роты состояли из учебных отделений. Из числа лучших суворовцев в них назначались старшие учебного отделения.

Тем не менее, руководство взводами первой роты и учебными отделениями младших рот осуществляли офицеры-воспитатели, имевшие помощников из числа сержантов срочной или сверхсрочной службы.

Внутренний порядок в училищах поддерживался на основании «Правил внутреннего распорядка и поведения воспитанников Суворовского военного училища». В отличие от средней школы, в учебные планы СВУ были включены геология, психология, военная, строевая и физическая подготовка. На изучение иностранного языка отводилось больше

времени, чем в школе. После каждого учебного года проводились лагерные сборы.

1 декабря 1943 года в суворовских военных училищах начались плановые занятия, началась история каждого училища. В декабре 1943 года каждому училищу в торжественной обстановке было вручено Боевое Красное знамя. День его вручения и считается днем рождения училища. Условия учебы в первые недели и месяцы были очень тяжелыми. Но училища начали жить по строго установленным правилам. Распорядок дня, как в воинской части: подъем по сигналу горна, физзарядка, утренний смотр, завтрак, занятия.

Преподавательский состав училищ основное внимание с самого начала уделял учебе. Воспитанники изучали те же образовательные предметы, что и в школе, но, кроме того, с ними проводились занятия по военной подготовке. Во внеклассное время — игры на свежем воздухе, занятия спортом, дополнительные занятия по общеобразовательным предметам для восполнения пробелов у некоторых учеников за предыдущие классы. Офицеры — командиры и преподаватели с первых дней стремились сочетать воинскую требовательность с отеческой заботой о детях.

В 1944 году все вольнонаемные преподаватели получили офицерские звания административной службы и им были увеличены ставки заработной платы.

4 июня 1944 года Государственный Комитет Обороны принял постановление об открытии в стране еще шести суворовских военных училищ: Горьковского, Казанского, Куйбышевского, Саратовского, Тамбовского и Тульского.

В последующие годы суворовские военные училища реорганизовывались, некоторые из них переводились в другие города, менялись их названия. Например, Краснодарское СВУ в 1947 г. было переведено в Орджоникидзе (Владикавказ) и

стало именоваться вначале Северо-Кавказским, Кавказским, затем — Орджоникидзевским; Сталинградское в 1946 г. было переведено в город Чкалов (сейчас Оренбург) и стало именоваться Чкаловским, затем — Оренбургским; Харьковское СВУ в 1947 г. — из Чугуева — в Киев, и стало именоваться Киевским. В 1953 году в Белоруссии было сформировано Минское СВУ.

Кавказское СВУ с 1948 года было реорганизовано в Суворовское офицерское училище. Для этого объединили два военно-учебных заведения — суворовское и пехотное училища.

С 1950 года в СВУ стали принимать ребят в возрасте десяти лет, окончивших 3 класса обычной школы. Тем самым были упразднены приготовительные классы.

В 1955 году Ленинградское военное училище им. С. М. Кирова было реорганизовано в Суворовское офицерское училище, такими же суворовскими офицерскими училищами стали Киевское и Свердловское.

Практика, однако, показала, что сочетать в стенах одного училища по существу два военно-учебных заведения с разными задачами нецелесообразно. Поэтому в 1958 году суворовские офицерские училища были реорганизованы в суворовские военные училища, а на базе курсантских батальонов этих училищ созданы высшие общевойсковые училища.

Совершенствовались и программы обучения. Особенно существенные изменения они претерпели в 1957 г., когда был введен расширенный до 2000 часов курс изучения иностранного языка, что привело к увеличению на год (11 лет) срока обучения в СВУ, по сравнению со средними школами страны, обучавшими школьников по десятилетней программе. Выпускники СВУ и НВМУ, сдавшие выпускной экзамен по языку на «4» и «5» получили возможность сдачи экзаменов

на диплом военного переводчика. Существенно расширилась программа обучения и по военной подготовке, что позволило выпускникам СВУ сразу же после окончания СВУ зачисляться без сдачи вступительных экзаменов на 2-й курс высших общевоинских командных училищ.

В связи со значительным сокращением Вооруженных Сил соответственно сократилось количество суворовских военных училищ, сроков обучения в них. Прекратили свое существование Саратовское, Тамбовское, Тульское (1960 г.), Сталинградское (1961 г.), Новочеркасское, Ставропольское (1962 г.), Воронежское (1963 г.), Куйбышевское (1964 г.), Орджоникидзевское (1968 г.), Ташкентское СВУ и Ленинградское пограничное (1960 г.) училища. К концу 1970-х годов имелось 8 СВУ: Казанское, Калининское, Киевское, Ленинградское, Минское, Московское, Свердловское и Уссурийское.

Начиная с 1964 года, сокращались и сроки обучения в СВУ и НВМУ: сначала до трех, а с 1969 — до двух лет.

Киевское СВУ является правопреемником Харьковского СВУ. 24 ноября 1943 года училище получило грамоту Президиума Верховного Совета СССР о вручении ему Боевого Красного Знамени. Именно этот день стал Днём рождения училища.

В училище прибыло 50 офицеров, из них 28 были участниками боевых действий, 16 имели государственные награды. Кроме офицеров, в училище прибыли 64 сержанта и рядовых.

1 декабря 1943 года начались занятия. 500 воспитанников в возрасте от 8 до 14 лет сели за парты и приступили к первым занятиям. 39 из них принимали участие в боях, а девять были награждены боевыми орденами и медалями. В Харьковское СВУ в числе первых был принят Костя Кравчук, награжденный орденом Красного Знамени за спасение двух боевых

знамен частей Красной Армии. В это же училище прислали Сергея Николаева. Было ему тогда 12 лет. Родителей убили гитлеровцы. Находясь в партизанском отряде, Сергей заминировал дорогу и взорвал проезжавшую по ней вражескую машину, уничтожив 25 гитлеровцев. С двумя медалями и знаком «Гвардия» пришел во второй класс Харьковского СВУ Петя Сорокин. В дни Сталинградской битвы его нашли в нейтральной полосе, полумертвым от голода и тяжелой контузии. В этом городе погибли его родители. Он окреп, стал любимцем батальона. Отлично зная свой город, он не раз помогал разведчикам в их боевой работе. Боевых наград также были удостоены: Ваня Гринев за участие в обороне Сталинграда, Феликс Лебедев и Миша Левченко за форсирование Днепра, Сережа Николаев за подвиг в тылу врага, Федя Симановский, Вениамин Абрамов, Вася Чумак, Толя Федоров – юные разведчики-партизаны.

Из 500 воспитанников 57 были совсем неграмотными и только троек закончили 6 классов. В Чугуеве училище работало 4 года. За этот период не было ни наборов, ни выпусков.

В начале июля 1947 года училище было переведено в Киев и получило название «Киевское Суворовское военное училище». В 1947 году был проведен первый послевоенный набор воспитанников. А уже в 1948 году состоялся первый выпуск суворовцев. 23 августа этого же года выпускники училища приняли Военскую Присягу и были направлены на учебу в два пехотных и одно танковое училище. С этого времени училище выпускало 65–70 воспитанников, с 1961 года – 200, а с 1971-го – 300 воспитанников.

В 1955 году училище было реорганизовано в Киевское Суворовское офицерское училище. Выпускники получали воинское звание «лейтенант». Таких выпусков было только три. В 1958 году училищу были возвращены прежний ста-

---

тус и название. В 1958 году срок обучения был увеличен на один год — с 6 до 7 лет, т.е. с 5-го по 11-й класс. В 1959 году началось изучение электрорадиотехники и средств связи, а с 1961г. — автотехники. В 1964 году училище было переведено с семилетнего на трёхлетний срок обучения, и начался прием юношей в возрасте 15–16 лет после окончания 8 классов. В 1969 году был введен двухлетний срок обучения.

В 1992 году постановлением Кабинета Министров Украины № 490 и приказом Министра Обороны Украины № 133 на базе Киевского Суворовского военного училища был создан Киевский военный лицей. С 1993 года в нем введён трёхлетний срок обучения. 1 июня 1998 года лицеем было присвоено имя активного участника освободительного движения за независимость Украины Ивана Богуна, и училище стало именоваться — Киевский военный лицей имени Ивана Богуна.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 1 июня 1998 года № 764 на базе Боярского центрального клинического санатория был создан учебно-оздоровительный комплекс Киевского военного лицея для предоставления учащимся 8–9 классов, общим количеством 250 человек, базового среднего образования и оздоровления лицеистов 10–11 классов Киевского военного лицея и лицеев с усиленной военно-физической подготовкой. Учебно-оздоровительный комплекс — это структурное подразделение Киевского военного лицея им. И.Богуна.

Офицеры, окончившие суворовские военные училища, продемонстрировали свои высокие профессиональные качества в боевых действиях в Афганистане, других «горячих точках» послевоенного времени. Среди них следует отметить участников боевых действий в Афганистане, удостоенных высокого звания Герой Советского Союза, это Б. В. Громов,

---

В. А. Востротин, В. В. Задорожный, И. В. Запорожан, С. П. Козлов, В. В. Колесник, Н. А. Кузнецов, И. Н. Плосконос, А. П. Солуянов, Герой Украины С. В. Червонопиский.

Выпускник Киевского Суворовского военного училища 1976 года Игорь Николаевич Плосконос родился 26 апреля 1959 года в городе Павлограде Днепропетровской области. В 1976 году поступил, и в 1980-м закончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище, в 1988 — Военную академию имени М. В. Фрунзе в Москве. Служил командиром десантно-штурмового взвода в Дальневосточном военном округе. С декабря 1981-го по март 1984 года служил в Афганистане командиром разведывательно-десантной роты 201-й мотострелковой дивизии. Был командиром батальона в Туркестанском военном округе, начальником штаба мотострелкового полка в Венгрии, командиром полка в Одесском военном округе. Народный депутат Украины I созыва. Работал начальником Главной государственной инспекции Гражданской обороны, занимал ответственные должности в Секретариате Кабинета Министров Украины. В 2003–2004 годах — первый заместитель начальника института Министерства по чрезвычайным ситуациям, в 2004–2006 годах служил в Главном управлении разведки Министерства обороны Украины. В феврале 2007 года он назначен председателем Государственного комитета Украины по делам ветеранов. Воинское звание — генерал-майор. Награды: Герой Советского Союза, ордена Ленина, Красной Звезды, «За заслуги» III ст. и медали, а также ведомственные награды, орден «За мужество» Уполномоченного Украины по правам человека, и отличия негосударственных организаций, «За заслуги» 1-й, 2-й, 3-й, ст., «За доблесть» Украинского союза ветеранов Афганистана.

В.И. Аблазов

*Светлой памяти
Игоря Плосконоса
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Байковое кладбище Васильев приехал с суворовским товарищем Аркашей Поляновским за полчаса до встречи на могиле Героя Советского Союза генерал-майора Игоря Плосконоса. Это была вторая годовщина со дня смерти Игоря.

О его уходе Васильев узнал только через год, приехав в командировку в столицу из Минска, где он работал в Посольстве Украины.

Встретились с Костей Аблазовым, как всегда излучающим молодецкий задор и романтический оптимизм, несмотря на то, что уже давно позади были годы лейтенантской службы в авиации, и годы на дипломатической службе в Москве, Тунисе, Риме. «Вечный курсант» — таким все эти годы оставался Костя для Васильева. И сейчас он буквально сбежал «в самоволку» с кипящего рабочего места в Протоколе Президента, обосновавшегося в Доме с химерами.

Зашли в кафе «Венские булочки», куда Васильев мог себе безболезненно позволить пригласить младшего товарища. Посольская зарплата — это не мидовская, можно и «загулять».

Устроившись на мягких диванах под фотографиями с видами старой Вены, они засыпали друг друга градом вопросов и новостей, в их распоряжении было всего пятнадцать минут. Как бы между прочим, Васильев спросил о своем друге суво-

ровского детства Игоре, ему интересна была его публичная позиция по разгоравшемуся пожару на Донбасе после захвата Крыма.

Костя озадачено посмотрел на Васильева и после неожиданной паузы сказал:

— Игорь умер год назад.

— Как? Я ничего не знал, — только и вымолвил обескураженный услышанным Васильев.

Дальше было болезненное осознание происшедшего.

Попрощавшись с Костей, Васильев пошел, не спеша, по Институтской к гостинице Киев. Там когда-то прошли счастливые часы увольнений из суворовского училища. Часто они с Игорем вместе «кайфовали», поедая свежие кексы с изюмом в уютном номере, снятом папой Васильева для того, чтобы сделать им маленький праздник. Еще папа водил их в кафе гостиницы или ресторан и кормил вкусным обедом с фирменной солянкой и котлетами «по-киевски».

Воспоминания прерывались мыслями о том, как быть дальше?

— Надо позвонить Аркаше и все узнать подробно, — думал Васильев. Хотя их общение стало напряженным с какого-то времени из-за недосказанности и взаимных упреков. В последний раз они общались перед выездом Васильева на работу в Посольство, в Минск, в кабинете Игоря в Кабмине. Это было четыре года назад. Договорились еще раз встретиться, Аркаша должен был позвонить и сказать время и место. Он не позвонил, не перезвонил ему и Васильев. Связь прервалась на быстро пролетевшие годы. И вот теперь это известие, разделившее время на «до» и «после», заставило переосмысливать прошедшее время.

Постояв у входа в гостиницу, с мелькнувшим желанием войти вовнутрь, но, почувствовав, что двери в давно прошед-

шую суворовскую юность закрыты навсегда, Васильев побрел в Мариинский парк.

Поляновскому он позвонил, но не в этот раз, а только вернувшись после окончания долгосрочной командировки. Услышав длинные гудки, он вздохнул с облегчением — номер телефона не изменился.

— Приве-ет, брат, — прозвучал неподражаемый днепропетровский прононс Аркаши.

— Шо ж ты мне за Игоря не позвонил, — вместо приветствия спросил Васильев.

— А куда тебе было звонить? В рельсу?

— Ну да, справедливо, — подумал Васильев, я же ему не сказал, куда уезжаю.

— Я бы хотел сходить в кадетку и на кладбище.

— Нема питань, брат... В ноябре годовщина училища, а потом можно и к Пину на могилу.

Прозвище «ПИН» у Игоря появилось в начале учебного года самым естественным образом. Он подписал обложку одного из учебников кратко и красиво: *П.И.Н*, имея в виду: Плосконос Игорь Николаевич. Через некоторое время неизвестной товарищеской незатейливой рукой было дописано «*гвин*».

С этого момента в 1-м взводе 1-й роты он стал «ПИНОм», а для самых близких друзей иногда «Пингином». Естественно, что на уроке русской литературы при изучении произведения великого пролетарского писателя А.М.Горького на строчке «Дикий пингвин робко прячет тело жирное в утесах» под ехидное хихиканье взгляды суворовцев класса одновременно обратились в сторону парты, за которой сидел краснеющий Игорь Плосконос.

Встречи Васильева с Поляновским в кадетке в ноябре не получилось...

Уже в июле следующего года, вернувшись из отпуска, Васильев набрал мобильный Аркаши. В трубке он услышал все то же напевное: «Приве-ет, брат».

— Ну шо, Аркаша? Когда едем к Игорю? Он какого числа умер?

— Сегодня. В два часа на его могиле собираются люди.

Сегодня — это 8 июля. Ответ поразил Васильева. Накануне три ночи подряд ему снился Игорь и папа.

— Аркаша, ты — поц. А шо, позвонить нельзя было?

— Ну ты ж не звонишь, — прозвучало в ответ невозмутимо. — Я заеду за тобой на Михайловскую в час дня.

— Договорились.

На Байковое кладбище они приехали первыми. На могиле Игоря был его портрет, сделанный, когда он работал в Кабмине. Улыбающийся, со звездой Героя Советского героя на груди. Усатый, с короткой стрижкой, идущей к его затылку, в фотографии отдаленно угадывались черты суворовца Плосконоса.

— Он в хорошей компании здесь: Разумков, Лобановский, — заметил Васильев, рассматривая памятники элитного участка.

— Ну, ему же положено по статусу, заслужил, — ответил Аркаша.

Постепенно у могилы стали собираться люди, многие с цветами, никого из них Васильев не знал.

Группа рабочих начала устанавливать легкие навесы на аллее. Июльская жара была в разгаре.

К группе работающих, выйдя из машины, подошла женщина. Васильев узнал ее, это была Таня, жена Игоря. Васильев пошел ей навстречу, они расцеловались.

— Вот заказала палатку на полвторого, а они только сейчас приехали, — смущенно, как бы оправдываясь, сказала она.

«Мы не виделись лет пятнадцать», — подумал Васильев.

К Аркаше подошел молодой парень лет двадцати пяти, высокого роста, крепко сложенный. Они обнялись и расцеловались. Это был сын Игоря, Артем. Васильев видел его всего один раз, когда тому было лет десять.

Навесы установили, и пришедшие стали группироваться под ними возле двух столов.

Таня и дочка Игоря Марина доставали из привезенных сумок закуски и расставляли их на столах.

— Угощайтесь, пожалуйста, берите все, что видите, — снова смущенно сказала Таня.

Артем и еще несколько человек стали открывать бутылки с водкой и коньяком и разливать их в пластиковые стаканчики.

— Я благодарна всем, кто пришел в этот день к Игорю, — тихо сказала Таня. — Давайте помянем его и вспомним, может, кто-то захочет что-то рассказать... Я бы хотела, чтобы Володя Васильев сказал об Игоре. Он учился и дружил с Игорем в Суворовском училище. Он был у нас свидетелем на свадьбе.

Васильев кивнул и, глядя в свой стаканчик с минеральной водой, стал подбирать слова, которые не клеились. Мысли сбивались, перелетая от прошлого к настоящему.

— Да, мы дружили, даже за ручки держались иногда... — только и смог произнести Володя.

Одно время во взводе у них была популярна такая «детская» игра, сделать захват ладони товарища так, чтобы можно было сдавливать его пальцы до боли, заставив произнести клятву в том, что он, как побежденный, поступает в полное распоряжение победителя и будет выполнять все его приказы и распоряжения. Для пущей надежности победитель добивался признания от своего «пленника», что тот дает обяза-

тельства не по принуждению. Чтобы снять с себя «рабскую» зависимость, надо было в удобный момент одолеть своего победителя таким же способом.

Лежа на соседних кроватях в ночь перед выпуском и грядущим расставанием, они говорили о будущем и, шутя, сдавливали друг другу пальцы до легкой боли.

— Ну шо сказать, Игорь был в суворовском разгильдяем, — справившись с волнением, продолжил Володя, делая паузу после каждого предложения. — В общем, он был настоящим кадетом... Его уважали ребята во взводе и в роте ... Офицеры роты тоже относились к нему уважительно, несмотря на то, что он считался злостным нарушителем воинской дисциплины... И то, что он смог сделать в Афгане, он и сделал, потому что всегда поступал по жизни, не считаясь ни с чем и наперекор всему...

представлена по материалам Исторического очерка Военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого Двадцатипятилетия благополучного царствования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, 1700–1880

Составил: генерал-майор М.С.Лалаев

Из истории создания Кадетских корпусов

В царствование Петра Великого впервые учреждены были у нас и школы для солдатских сыновей. При народной переписи 1719 года, сыновья всех нижних воинских чинов в подушный оклад вовсе не были включены, вследствие чего и образовалось у нас особое сословие солдатских детей, не имевшее никакой оседлости; обстоятельство это побудило Правительство принять меры для призрения их на казенный счет. Указом 1721 года, в каждом из 50-ти пехотных гарнизонных полков положено было иметь по 50-ти вакансий собственно для солдатских сыновей, от 7-ми до 15-ти-летнего возраста.

Внутренний порядок в школах обуславливался одними казарменными требованиями, и на учеников распространялось каждое из распоряжений, которые делались смотрителем дома для всех, без различия, проживавших в нем людей. Ежедневно, в начале пятого часа утра, дежурный капрал обходил все квартиры и будил учеников и служителей, которые и отправлялись в школу и на работу; после 11-ти часов давалось время для обеда, а с часа до 6-ти часов вечера снова производились занятия в школе и работы по дому; затем, в 9-ть часов дежурный опять обходил все квартиры, требуя, чтобы огни везде были потушены.

На учеников возлагались, как уже было замечено, многие служебные обязанности; кроме того, их поочередно ставили на часы к различным постам в Инженерном доме, не исключая и арестантской. За неисполнительность и проступки ученики подвергались суду и наказаниям наравне с нижними воинскими чинами; сохранившиеся до нас канцелярские дела школ представляют и такие случаи, где школьники,

проживавшие на частных квартирах, судились за буйство и разбой на улицах и за укрывательство у себя беглых крепостных людей с их женами и детьми, как равно и такие приговоры военного суда, которыми определялось, например, «прогнав шпицрутенами через полк шесть раз, написать в инженерные ученики до выслуги», или «бить при собрании инженерных учеников розгами». Впрочем, этот последний род наказаний, как видно из дел, нередко применялся к ученикам не только без всякого суда, но по личному усмотрению школьного кондуктора; бывали даже случаи, что малолетние ученики, за частые побегы, наказывались розгами, плетью, кошками и заковывались в кандалы.

**Высочайший указ об учреждении Кадетского Корпуса,
данный Сенату в 29-й день июля 1731 года.**

Из устава Корпуса, утвержденного в ноябре 1731 года

В дополнение и разъяснение состава учебного курса, определенно-го в указе от 29-го июля, устав называет следующие предметы преподавания в Корпусе: языки русский, немецкий, французский и латинский (последний только для желающих), чистописание, грамматику, риторику, мораль и геральдику, а также предписывает упражнять воспитанников в танцовании, вольгижировании и «в солдатской экзерциции». Эти последние занятия назначались по уставу ежедневно; но впоследствии повелено было: «впредь кадетов военной экзерциции обучать в каждую неделю по одному дню, дабы оным от того в обучении других наук препятствия не было».

Кадет Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (1793)

Из всех нравственных чувств, после Веры, важнейшее есть чувство долга; истинная честь нераздельна с истинною нравственностью, основанием которой должно быть добросовестное исполнение всего того, что требуется долгом.

«Строгий и постоянный надзор за воспитанниками, — сказано в руководящих правилах, — во всякое время и во всяком месте весьма важен и достаточен, как для предупреждения дурных с их стороны поступков, так и для приучения их к исполнительности и к исправности; но этого еще очень мало для воспитания; оно должно руководить не только наружные поступки, но и внутренние побуждения юноши; оно должно образовать его сердце и не только сделать его способным воздерживать дурные побуждения, но, по возможности, искоренять их; оно должно сделать воспитанника нравственным не по внешнему только принуждению, а и по влечению внутреннему, чтобы он оставался верен добру во всех случаях жизни, даже в борьбе с побуждениями не только внешними, но и внутренними. Для достижения этого, воспитание должно действовать не одним надзором, а средствами многообразными, в особенности же соответствующим нравственной цели образованием ума».

Кадеты:

- 1 – 1-го кадетского корпуса, 1812 г.;
- 2 – Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса, 1856 г.;
- 3 – Морского корпуса, 1860 г.

Из истории создания Владимирского Киевского Кадетского корпуса

Еще в 1833 году, одновременно с отменой предположения об устройстве Кадетского Корпуса в Елисаветграде, повелено было учредить таковой в Киеве, оставив при нем все губернии, кои причислялись к Елисаветградскому Корпусу по проекту, утвержденному 1-го февраля 1838 года. На содержание этого Корпуса дворянство Киевской, Волынской и Подольской губерний обязалось, в 1847 году, вносить ежегодно до 67.000 р. сер. и всеподданнейше ходатайствовало о наименовании заведения Владимирским Киевским Кадетским Корпусом, в память рождения Великого Князя Владимира Александровича, на что тогда же последовало Высочайшее соизволение.

В 1851 году Государь Император, в виду значительности дворянских пожертвований в пользу этого Корпуса, признал возможным ускорить открытие его учреждением предварительно двух неранжированных рот, под наименованием Неранжированного Владимирского Киевского Корпуса. Заведение это повелено поместить в зданиях 2-й Киевской гимназии; возведение же нового здания для всего Киевского Корпуса начато было еще в 1849 году, с обращением на сей предмет

256.000 р. из дворянских пожертвований, и 892.000 р. Всемиловнейше пожалованных из других источников. 1-го января 1852 года последовало открытие Неранжированного Владимирского Киевского Корпуса, в составе двух рот, по 100 воспитанников в каждой.

Здание Владимирского Киевского кадетского корпуса.
17 августа 1857 года кадеты впервые вступили в свое новое прекрасное здание.
Громадному зданию была придана форма буквы «Н».

АБИТУРИЕНТЫ

1.

Колонны галдящих восьмиклассников с чемоданами, рюкзаками и сумками формировались на привокзальной площади офицерами Киевского Суворовского военного училища, прибывшими для встречи абитуриентов с утренних поездов. Им помогали в этом непростом деле офицеры областных военкоматов, сопровождавшие отобранных кандидатов, и родители, поехавшие со своими чадами в столицу.

Самыми многочисленными группами оказались Днепропетровская и Донецкая.

Колонны недружно двинулись после громкой команды «Шагом Марш!» по проезжей части. Впереди и сзади шли солдаты с флажками. Параллельно по тротуару засеменяли родители, многие с сумками, наполненными домашней провизией для дополнительного питания любимых сыновей и внуков во время сдачи экзаменов.

Марширующие громко разговаривали, вертели головами по сторонам, и обменивались впечатлениями.

Здание Киевского СВУ, которое станет для многих из них новым домом, поразило своим строгим величием и размерами, в сравнении с родными провинциальными школами. И немудрено, построено оно было в 1915 году для Второго

Инженерного Училища. Архитектор Н.А.Шехонин, работами по строительству руководил И.И.Лиле, выпускник Киевского Владимирского кадетского корпуса и Инженерной Академии.

Массивные въездные ворота на территорию училища закрылись после прохождения через них нестройных колонн, а вместе с ними для прибывших закрылся их уютный и привычный мир. Для каждого на свой срок. Эти же ворота и забор отсекали родительскую группу поддержки.

Но к счастью для родителей и их чад, забор с тыльной стороны училища был сделан из железной сетки, что упрощало возможность свиданий и продуктовых передач.

Кормление через сетку, как в зоопарке, раздражало командование училища, поэтому на этот кордон периодически отправлялись дежурные офицеры и прапорщики отгонять абитуриентов от сетки.

После неоднократных построений, проверок и уточнений списков, перепроверок наличия прибывших, Васильев сотоварищи с днепропетровского поезда оказался в 1-м взводе 1-й роты.

Рота располагалась на 3-м этаже в правом крыле здания. Кровати временно были двухъярусными, поскольку численный состав прибывших примерно в три раза превышал штатную численность роты. С каждым экзаменом предполагалось убытие очередной группы, не выдержавших испытание, и, соответственно, сокращение количества койко-мест, начиная со второго яруса.

Большую часть дня «абитура» проводила на воздухе, устраиваясь на травке, как на пикнике, с учебниками и тетрадками. В классы запускали только для консультаций с преподавателями. Письменные экзамены проводились в торжественной обстановке в актовом зале.

На приемы пищи — завтрак, обед и ужин в столовую абитуриентов водили дежурные офицеры и прапорщики рот. За

столами живо обсуждалось качество сносной, в общем, пищи и то, что у суворовцев есть еще второй завтрак около 11 часов утра. А на второй завтрак, как узнали самые любопытные, будут давать сладкую сырковую массу, булочки и чай. Но все эти лакомства предназначены только для суворовцев.

Время вечером после ужина считалось личным, уже можно было подходить к забору для общения с родителями, при этом выходить за пределы училищного двора категорически запрещалось. Нарушившим это требование и пойманным на «месте преступления» грозило отчисление. Вообще, в этот период каждый прапорщик, не говоря уже об офицерах, казался вершителем судеб.

Вторым категорическим запретом было курение. Наказание за это нарушение предполагалось такое же — с вещами на «выход». Поэтому курильщики делали это с соблюдением всех строгих правил конспирации.

Приветствовалось же занятие спортом. Брусья и перекладины в училищном дворе были в распоряжении поступающих круглые сутки, тем более, что возможности большинства проявить себя на этих снарядах были более чем скромными.

Точно так же, как меню в столовой, живо обсуждалась и учебная программа по физической подготовке, самой устрашающей представлялась спортивная гимнастика.

В этой новой и непростой психологической обстановке для вчерашних школьников зарождалась дружба и братство на долгие годы.

Сотни километров между городами в одной области теперь не разделяли, а сближали. Областной военкомат, где абитуриенты стали в свой первый, почти взрослый, строй стал сродни гавани, отправившей их в неведомое плавание. Одним словом, морально было легче преодолевать первые жизненные испытания, когда рядом был твой земляк.

2.

Первым и определяющим для юных будущих полководцев был письменный экзамен по математике. Главное — не получить «двойку». Подходы экзаменаторов разительно отличались своей строгостью. Отличные и хорошие оценки, полученные в родных школах, здесь трансформировались, в большинстве своем, в удовлетворительные.

На подготовку к первому экзамену отвели три дня. Экзаменационную работу писали в торжественной и строгой обстановке актового зала. Между рядами медленно прохаживались гражданские преподаватели и офицеры, наблюдая за порядком. Ни о каком списывании или подглядывании в «шпоры» и речи не могло быть.

Через сутки после сдачи письменной работы в закрепленных классах страдальцам были выданы их творения, исчерканные красными чернилами, словно кровью, для работы над ошибками.

Подавляющее большинство со вздохом облегчения умиленно смотрело на полученные тройки. Значит — «еще не вечер».

После ухода преподавателя началось живое обсуждение и осмысление происшедшего.

Игорь Плосконос сидел за последним столом в третьем ряду, выделенном для третьего отделения, обхватив голову ладонями, с туманным взглядом на рясеющие красным экзаменационные листы. Оценка «2»! Над его столом столпились товарищи, тоже рассматривая эти злосчастные листы. Получив свои проходные баллы и успокоившись, они были полны искреннего сочувствия.

Во взводе еще не все знали, что у Игоря незадолго до приезда в Киев в автокатастрофе погибли родители. Привез его в СВУ дядя. В школе же своего родного шахтерского Павлограда он не сильно обременял себя разгрызанием гранита науки.

На следующий день после получения результатов сдачи письменной математики количество кроватей в спальном помещении резко уменьшилось. Убывающие, некоторые со слезами на глазах, покидали территорию училища. За воротами их ждали не менее грустные родители.

Игоря вызвали в учебный отдел. Вернувшись оттуда, немного приободренный, он поделился принятым по нему решением: его не отчисляют, пока...

Следующий экзамен — по русскому языку — был тоже письменный. Готовясь к нему, абитуриенты, разморенные летней жарой, группками сидели и лежали на траве под деревьями, вяло поглядывая в учебники. Гораздо больший интерес вызывали услышанные и передаваемые рассказы и небылицы о жизни в училище и «стариках», с которыми предстояло еще встретиться.

В этой томящей обстановке очень кстати поднял всем настроение Леня Мехоношин. Он был родом из Донецкой области. С земляком Сергеем Хорошайло они смотрелись забавной парочкой. Серега — высокий и широкоплечий, Леня — худой и невысокий бродили по аллеям и нежились на травке. Устроившись под яблоней у забора, они, как и все, больше глазели по сторонам: то на людей за забором, то на солдат, работающих по уборке фонтана без воды, с оленем в центре. Это произведение советской парковой культуры как-то не к месту располагалось перед парадным входом, и скоро его должен был заменить памятник Суворову.

Яблоки же на яблонях остались только на верхушках, потому как молодым организмам требовались витамины, незрелые плоды на деревьях были съедены голодными абитуриентами во время подготовки к экзаменам.

Леня решил закончить сбор урожая, для этого он набрал небольших камней и стал прицельно метать их по яблокам.

Своим занятием он, естественно, привлек внимание окружающих. Один из метательных снарядов, ударившись о ветку, срекошетил прямо под правый глаз стрелку, вызвав появление в этом месте лилового синяка размером в спелую сливу. Истерический хохот, катающихся по траве товарищей, взорвал тишину. Громче всех хохотал Серега, привлекая к себе пристальное внимание гражданских лиц, проходящих за забором.

Диктант тоже оказался по своему уровню сложнее тех, что писали в школе. И снова пределом мечтаний всех было не получить «пару». И снова была консультация с преподавателем.

Игорь по диктанту получил тоже двойку. Количество ошибок не давало ни малейшей надежды даже на худую тройку. Он сидел красный и удрученный после консультации в тесном кружке товарищей и размышлял вслух о том, что сам пойдет в учебный отдел и попросит, чтобы его отчислили. Но товарищи настаивали на обратном. Умозаключение сводилось к тому, что отчислить всегда успеют, а сейчас надо сидеть и готовиться к устным экзаменам.

Накануне устного по математике в абитуриентской среде 1-й роты впервые прозвучало грозное слово «Лушпей». Звучало оно как приговор, суровый и справедливый. Это была фамилия преподавателя математики, закрепленного за 1-й ротой. Каждый идущий отвечать молился, чтобы не попасть отвечать к нему. Другие экзаменаторы — майор Сулима, он же начальник кафедры математики, и седенький старичок, почти пенсионер, казались воплощением гуманности и милосердия.

После сдачи устных экзаменов кровати в спальном расположении стояли уже в один ярус.

Как все когда-то заканчивается, закончились и экзамены. «Выжившие» уже мечтали о новой неведомой жизни. И пер-

вым серьезным сигналом о ее приближении стало получение летней суворовской формы: белых холщевых кителей, пока без погон, таких же белых фуражек и черных брюк с красными лампасами.

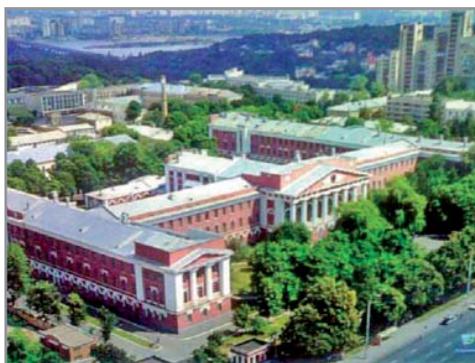
Вечером в личное время в классе шла массовая примерка формы.

Суворовцы-«семилетчики» на Крещатике

Парадный вход в здание Киевского СВУ, начало 70-х годов

Здание Киевского СВУ, начало 1980-х годов

Из устава Корпуса, утвержденного в ноябре 1731 года

Все кадеты «для учения и житья с немалым покоем» должны быть помещены в корпусном доме, «по примеру, как сказано в уставе, Прусского, Датского и прочих королевских кадетских домов, дабы они толь меньше гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, но во всем, как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении, над ними непрестанное имелось надзирание».

Учебный курс кадетских классов составляли нижеследующия три группы предметов:

а) языки русский, французский и немецкий, история и география, механика, гидравлика и аэрометрия, гражданская архитектура, математическая география, химия, основания экспериментальной физики, натуральная история, военные экзерсии, танцование, фехтование и верховая езда;

б) арифметика и низшая алгебра, начальная и высшая геометрия, «свойства трех сечений конуса и прочее до сего относящееся»

в) артиллерия, фортификация, фейерверочное искусство, рисование и черчение.

9) В специально-военном классе положено было подробно изучать строевую службу и различные предметы, касающиеся устройства и управления войск и употребления их в бою; здесь же рекомендовано было «читать всех военных авторов и делать на них рефлексцы, рассуждать о всех знатных баталиях и акциях, а также о настоящих политических делах в Европе и о военных силах других держав».

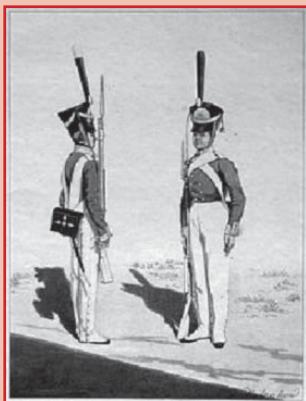
Особенное внимание обращено здесь на то, чтобы воспитанники постоянно вели в заведении жизнь деятельную, но простую и правильную, получали доброкачественную пищу, исправную и удобную одежду, по возможности пользовались свежим воздухом и всегда содержались в строгой опрятности и чистоплотности, для чего предписывалось воспитанникам ежедневно умываться три раза, водить их в баню каждую неделю, а летом на купанье и того чаще, переменять нижнее белье два раза в неделю, а постельное — через каждые семь дней, и непременно иметь все вещи для каждого кадета под особым номером.

Формы с 1732 г. по 1907 г.

Трое с левого фланга: 1. Форма военного гимназиста; 2. Форма 1882–1894 г.;
3. Форма 1894–1907 г.

К награждениям и наказаниям должно прибегать с возможною разборчивостью, наблюдая притом строгую справедливость и соразмерность, как со степенью и родом достоинства или виновности и с прежним поведением воспитанника, так и, в особенности, с намерением, которое служило побуждением поступка.

Кадеты 1-го кадетского корпуса
эпохи наполеоновских войн

Кадет 1-го кадетского
Императорского Анны Иоанновны
Корпуса

Обмундирование воспитанников суворовских военных училищ.
Приказ НКО СССР № 287 от 21 сентября 1943 г.

летняя
повседневная
I

летняя
повседневная
II

летняя
парадная

зимняя
повседневная

зимняя
парадная

Форма одежды суворовцев. 1969–1993 гг.

«МАЛЬЧИКИ» И «СТАРИКИ»

Дни до начала учебного года и посвящения в суворовцы проходили в будничных заботах и подготовке. В роту была приглашена парикмахерша, и у всех появилась однообразная прическа — строгий полубокс. Распорядок дня приближен к жесткому суворовскому: подъем, зарядка, занятия по строевой и первый наряд по столовой.

Тем, кто шел в наряд, выдали форму: летние кителя без погон б/у (бывшие в употреблении — на современный лад: «секонд хэнд»), штаны неопределенного цвета и фасона, мало кому подходящие по длине, старые солдатские ремни. После облачения в эту одежду будущие суворовцы напоминали скорее воспитанников сиротского приюта военной поры или колонии для несовершеннолетних.

Именно таким и увидела мама Володи Васильева своего сына впервые после его отъезда из дома на экзамены. Она приехала на первый звонок, и папа привел ее к училищу накануне этого праздничного события. Васильеву передали, что его ждут родители на КПП, когда он работал на кухне. Он прибежал, отпросившись на 10 минут у дежурного по столовой прапорщика. Когда мама его увидела, она, держась за прутья ворот, тут же расплакалась. У Васильева появилось ощущение, что он сейчас тоже заплачет. Ему одновременно хотелось побыть с родителями и поскорее убежать, чтобы не видеть плачущую маму.

Совсем другими увидели родители своих любимых чад на торжественном построении 31 августа, посвященном началу учебного года и вручению суворовских погон.

Несмотря на то, что форма на вчерашних школьниках, с точки зрения авторитетных «стариков», сидела еще далеко не по-кадетски, это не мешало родителям любоваться ими и снова же со слезами на глазах. Еще бы: они выглядели в строю резко повзрослевшими, в белых кителях, отутюженных со стрелками черных брюках с красными лампасами, начищенных бо блеска ботинках. Ремни затянуты на кителях до невозможности дышать, бляхи горят на солнце.

Начальные нескладные навыки строевой подготовки при подходе к командиру взвода для получения суворовских погон тоже умиляли родителей. Затем была волнительная уже для новоиспеченных суворовцев церемония пристегивания погон к кителям, которую по традиции, осуществляли «старики».

Яркая речь, произнесенная с трибуны от имени родителей папой Аркаши Поляновского, Заслуженного деятеля культуры Украины, провозглашенная с особенным артистическим мастерством, произвела на 1-й взвод сильное впечатление, тем более что многие во взводе уже знали, что Аркаша был отправлен родителями в СВУ на перевоспитание. Душа его рвалась обратно, в блатную компанию днепропетровского Парка имени В.Чкалова, традиционным местом сбора которой был зал игровых автоматов. Позже, во время приступов ностальгии, он часто говорил близким товарищам: «Я сбегу отсюда, уеду в Днепр, и буду работать сапожником».

После прохождения торжественным маршем звучит долгожданная команда: «Вольно, разойдись!». Поздравления родителей, фотографирование, цветы, улыбки, праздничный обед.

Вот так и была открыта условно 1-я глава книги жизни в КСВУ длиной в два года.

Праздничность и торжественность первого дня сменилась буднями, наполненными новыми правилами, вмещенными в распорядок дня, переживаниями, победами и поражениями, общими и только твоими. Ко многому из того, что надо было пройти, преодолеть, испытать применимы слова: «впервые в жизни».

Тема сосуществования «новоиспеченных» суворовцев 9-го класса со «стариками» волновала юнные умы еще с периода «абитуры». Само это явление имело исторические корни. Кое-какие его формы и традиции стали известны благодаря писателю Александру Куприну, прошедшему курс кадетского корпуса царских времен, что-то было привнесено советской военной школой с момента создания СВУ, особенно в период «семилетчиков».

Одно оставалось бесспорным, это не была «дедовщина», процветавшая в Советской Армии. Издевательств, как таковых, в стенах училища не было. Моральным кодексом «молодых» принималась аксиома непререкаемого авторитета «стариков». Выражение этого авторитета проявлялось, опять же, в различных формах воспитания «молодых» как в одиночном, так и в коллективном порядке. Можно было увидеть, особенно вначале, как на аллее «старик» в метр шестьдесят ростом воспитывал верзилу «мальчика» ростом под два метра, затягивая ему ремень по уставу. При этом у него самого ремень болтался, как говорили, «на яйцах».

Само выражение «мальчик» или произнесенное очень язвительно, «суворовец», при обращении к младшему на год товарищу, указывало тому на его место в табели о рангах, а также означало, что звание «кадет» еще надо заслужить.

Примером коллективного воспитания для 1-й роты было прохождение на приемы пищи по широкому коридору че-

рез территорию 6-й «стариковской» роты. Если в это время 6-я рота еще стояла в строю для выдвигания в столовую, ей давалась команда три шага вперед для того, чтобы дать возможность пройти по ее тылам вдоль стеночки суворовцам 1-й роты.

Команда эта выполнялась 6-й ротой без особого рвения, а зазевавшиеся и неосторожно сблизившиеся с ее строем суворовцы 1-й роты «улетали» на стенку, проверяя тем самым ее на прочность. Это продолжалось в течение всего учебного года. Надо ли говорить, что после того, как первая рота обрела статус «стариков», картина сразу диаметрально поменялась. Теперь, освобождая проход, улетали «мальчики» 6-й роты, как бильярдные шары от борта в середину.

Еще одним примером для подражания при передвижении роты строем стал «паровозик». Более твердый и концентрированный удар по асфальту одной ногой с постепенным увеличением ритма. Заимствовано это было из художественного фильма «Юнга Северного флота» по произведению В.Пикуля. Этим строй выражал свое неудовольствие по какому-либо вопросу тому, кто командовал ротой в данный момент, чаще всего во время вечерней прогулки. Больше всего страдали от такого демарша некоторые молодые заносчивые прапорщики роты. Их этот «паровозик» доводил до бессильного бешенства. Иногда доставалось и офицерам-воспитателям. А вот кому даже в кошмарном сне не могли позволить себе это продемонстрировать суворовцы 1-й роты, так это старшине роты прапорщику Ивану Григорьевичу Ковалеко, получившему прозвище «Борман» после телефильма «Семнадцать мгновений весны».

Другой яркой демонстрацией кадетской солидарности стал частичный отказ от пищи во время обеда, по инициативе 6-й роты стариков. Кормили суворовцев по рациону более

калорийному, чем в военном училище, все-таки растущие организмы. Позже, в курсантские годы часто с грустью вспоминалась сладкая сырковая масса и булочки. Но было в меню одно блюдо, не вызывавшее всеобщего интереса. Это было овощное рагу, в котором удачно маскировалась плохо почищенная картошка, сомнительной свежести капуста и другие овощи. Не исключено, что предполагалось наличие и мяса, но далеко не всем везло найти его в тарелке.

И как-то получилось, что повара чаще обычного стали предлагать это вегетарианское блюдо на обед в течение целого месяца. Шестая рота сидела в обеденном зале напротив первой. Как по команде, со всех столов вдруг понесли миски с рагу, рассчитанные на четыре порции, и с грохотом стали ставить их на железные тележки, на которых развозилась пища и посуда.

По залу прокатился гул недовольствия, очень быстро этому примеру последовали 4-я и 5-я роты «стариков» во втором обеденном зале. Призыв к действиям прозвучал и к «молодым», откликнувшимся на инициативу с комсомольским энтузиазмом.

Ответственные офицеры и дежурный по училищу оказались в замешательстве. Скоро на тележках с неаппетитным рагу появились прокламации на обрывках тетрадных листов. Весь смысл их сводился к главному тезису, очень коммунистическому по своей сути: «Мы не свиньи, свиньи не мы», по аналогии с известным лозунгом «Мы не рабы, рабы не мы». Возбужденные кадеты демонстративно шумно покидали свои места, горячо обсуждая все «достоинства» обеда и лиц, ответственных за его приготовление.

В обеденном зале с встревоженным взглядом появился начальник столовой прапорщик Богза, своими габаритами он превосходил любимого актера Евгения Моргунова. Ходила

легенда, что когда он однажды по привычке засунул голову в шахту грузового лифта в варочном цеху на первом этаже и что-то начал орать наверх наряду по столовой, в ответ на его голову полетел квашеный арбуз. Трудно сказать был ли тот арбуз, но в шахту лифта он предпочитал больше не орать.

Улюлюкание в его адрес со всех сторон последовало мгновенно. Позже в столовую прибыл и начальник политотдела училища с подчиненными офицерами для проведения дегустации.

История закончилась проведением воспитательно-разъяснительной работы в подразделениях и исключением из меню на длительный период нелюбимого рагу.

Самым же большим инцидентом, уже в бытность «стариковства» 1-й роты, стало воспитание «молодого» за «неправильное» прохождение по коридору первого этажа во время натирки пола мастикой «стариками» 1-го взвода.

Главным наставником в этом вопросе оказался Аркаша Поляновский. В результате, после беседы, нескольких тычков и испачканного мастикой кителя, «молодой» убыл к себе в роту. А через час 1-я рота была построена в расположении для проведения опознания. Обиженный «мальчик», надо сказать, довольно упитанный, с командиром взвода прошел через унижительную процедуру. Он прошел вдоль строя роты под издевательские реплики с целью узнать и указать обидчиков, среди которых значились и Вова Васильев, и Игорь Плосконос. Но им повезло больше, чем Аркаше, на которого пал указующий перст пострадавшего, что вызвало гомерический неуставной хохот роты.

Деловтом, что Аркадий Поляновский (он же «Аркадиков») еще раньше занял свое почетное место в когорте авторитетных разгильдяев 1-й роты (курение, самоволки, вино и девочки, но самое главное — умение не быть уличенным во всем

этом), однако он совсем не тянул на роль супермэна. Когда он сдавал зачет по подтягиванию, то его тело дергалось, словно по нему пропустили электрический ток, а на лице отражались все муки еврейского народа. Отдельным сольным номером, посмотреть на который сходились все преподаватели физподготовки, у Аркадия был прыжок через коня.

Все происходило по разделениям, как и положено в армии. Сначала он делал страшное лицо, отражавшее решимость преодолеть препятствие. Затем следовал не менее устрашающий разбег, резкое торможение перед доской для толчка и приземление на коня верхом по-кавалерийски. На пятой попытке ползвода каталось, держась за животы, от смеха. Ничто в жизни так и не заставило Аркадия за весь второй год обучения перелететь эту «лошадь».

После ухода обиженного «мальчика» со взводным, Аркаша (так его называли даже офицеры роты, что было исключением, подчеркивающим его индивидуальность), по команде командира роты, предстал перед строем.

Брюки приспущены и внизу гармошкой, ремень расслаблен и болтается ниже последней пуговицы, крючок на кителе расстегнут, одним словом — нарушитель воинской дисциплины. Аркаша поправляет бляху ремня, поднимает ее выше последней пуговицы и при этом невинно улыбается. Свои три наряда вне очереди он получил вместе с уничижительной оценкой командиром роты его бойцовско-спортивных качеств под издевательский смех товарищей.

Кстати, этому «мальчику» не повезло еще раз; наверное, судьба его такая. В училище был преподаватель физики, фамилию просто не хочется называть. Он пользовался авторитетом у суворовцев за свой неподражаемый юмор и демократичность. Так вот, он был уволен в одночасье, как выяснилось за отвратительную выходку по отношению именно к этому

суворовцу. В общем, срамная страсть стубила физика. На этот раз «мальчик» держался стойко и отбилсЯ от домогательств старого сладострастника в физкабинете после уроков.

Наука, как быть кадетом, постигалась «молодыми» на протяжении всего первого года обучения, начиная с усвоения азов военной моды. Прежде всего, это необходимость иметь неуставные брюки для использования их в увольнении и отпуске. Перефразируя выражение одной героини кино, брюки — это то, что делало из суворовца кадета. Если и не клеша, как у моряков или нахимовцев, то, по крайней мере, расширены книзу сверх уставных сантиметров. Это достигалось использованием подручных средств, например, фанерной трапеции для растягивания, и идеальными для этой операции были шерстяные брюки старого образца. Васильев, как и многие другие, приобрел такие у «старика» шестой роты перед их выпуском за 10 рублей. Некоторые добивались того же эффекта с помощью перешивания в ателье. Китель должен был быть подогнан по талии, а не висеть мешком. На груди, кроме комсомольского значка, значок «воин-спортсмен» разных степеней. Погоны на летнем белом кителе изломаны, на черном парадном часто использовали вставки из разных материалов под погоны, чтобы они были ровными.

Шинель должна быть подрезана до колен и в этом считался особый шик и самая большая проблема, потому как запасной шинелью обзавестись трудно, а длина собственной постоянно проверялась на строевых смотрах. Из-за этого в 1-й роте произошла своя «Варфоломеевская ночь», когда все шинели во всех взводах были подрезаны за несколько дней до зимних каникул. Утром заговор был раскрыт, и последовало расследование чрезвычайного происшествия офицерами управления училища с выявлением организаторов и наказанием всех участвовавших.

Васильев в ту ночь стоял дневальным и попал под «карающий дисциплинарный меч» командира роты вместе со всем нарядом за то, что они допустили это происшествие и не разбудили ответственного офицера, сладко спавшего в канцелярии. Иногда просто поражала такая «начальственная наивность». И кем бы они выглядели в глазах своих товарищей, если бы так поступили?! Что смягчило наказание Васильеву, так это его неподрезанная шинель. Его разбудили и позвали на благое дело, когда он только заснул во вторую смену, в ответ на что, он всех послал и предложил самим подрезать его шинель.

В результате, благодаря негибкой воле командования и стахановской работе работниц училищного ателье, все шинели были подшиты до необходимой длины за счет участников «преступления». Событие получило широкую огласку в училищных стенах: негативную оценку со стороны партийной и комсомольской организаций и высокую — со стороны кадетов.

Гораздо легче было с шапкой, она делалась и носилась «пирожком», часто, как и фуражка, сдвигалась на затылок, что по мнению кадетов должно было произвести неотразимый эффект на девочек, как и белые перчатки с белым шарфиком.

Тема «кадетской любви» тоже имела множество оттенков, как в песенном и поэтическом, слезу выбивающем творчестве, так и в суровой будничной жизни.

Аббревиатура «ПЛБ» с подачи «стариков» быстро заняла свое место в жизни суворовцев девятиклассников. Местом этим была обозначена старая фотомастерская на углу училища. Расшифровка ее проста и незамысловата — пункт ловли бл...й. Оттуда дорога вела в сад на печерских холмах, а если углубиться дальше за стадион, то на старое кладбище — ме-

ста, как известно, романтические для молодежи. Некоторых дам «старикки», как истинные гусары, передавали молодому поколению перед выпуском. Но и преисполненные самых возвышенных чувств и строгих правил девочки нередко гуляли там же с кадетами в субботние и воскресные вечера после проводимых в училище вечеров танцев. Практика приглашений суворовцев в близлежащие школы на вечера была прекращена после происшедших, иначе и быть не могло, выяснений отношений и потасовок со школьными мальчиками.

И на этом фронте Аркаша сумел отличиться и стать героем-любовником, над которым потешались во взводе. А вся трагедия истории любви заключалась в том, что он познакомился с девочкой возле училища и не заметил ее некоторых психологических странностей. После первого свидания он расхвастался во взводе своей победой, не предполагая дальнейших последствий. Девочка стала каждый день приходиться к сеточному забору с тыльной стороны училища и с грустными глазами просить всех позвать суворовца Аркадия с 1-го взвода 1-й роты. Посыльные исправно выполняли просьбу девочки, оповещая Аркашу о том, что его ждут у сетки. Через неделю он не знал куда деваться. Примерно через месяц неразделенной любви, к счастью для Аркаши, она перестала приходиться к забору. Но их свидание все же произошло.

Настоящие товарищи Аркаши Игорь Плосконос и Вова Васильев не преминули подколоть его в создавшейся ситуации. Как-то находясь в увольнении вместе, они приехали на конечную остановку к Бесарабке в 14-м троллейбусе и на остановке через окно в толпе ожидающих посадки увидели эту девочку. Она стояла у задней двери троллейбуса. Не сговариваясь, в один голос они оповестили Аркашу, что его бывшая дама сердца находится на остановке у передней двери. Аркаша с выпученными глазами рванул к задней двери, где его ждала роковая

встреча. Столкнувшись с ней глаза в глаза, он резко развернулся и позорно побегал по салону троллейбуса к передней двери. На остановке его ждали гогочущие друзья кадеты.

Пообщаться с девочками, кроме ПЛБ и вечеров танцев, можно было в кружке балльных танцев. Общепринятое мнение, что всех суворовцев, как когда-то кадетов, обучают балльным танцам, было ошибочным. На кружок ходили те, кто имел предыдущий опыт и навыки. Основной целью занятий с хореографом было подготовить номер к смотру училищной художественной самодеятельности и выступлению на телевидении. Поскольку Васильев в школьные годы занимался балльными и народными танцами, он и пошел на эти занятия. Неоспоримым преимуществом было и то, что они проводились не только в актовом зале училища, но и во Дворце культуры Авиазавода, что гарантировало внеочередное увольнение в город. Ходить же на ПЛБ он не позволял себе, потому что был секретарем комсомольской организации взвода. А прикрыть товарищей в нужный момент — это было делом чести.

К концу учебного года отношения между «молодыми» и «стариками» выровнялись, многие подружились, и те, и другие жили своими заботами накануне нового жизненного этапа. Молодых ждали лагеря, где они должны были получить первый боевой опыт и испытать себя в условиях полевой жизни и учебы. Старики готовились к выпуску и отъезду по выбранным училищам.

Самым трогательным моментом в расставании «молодых» и «стариков» был отъезд автобусов, увозящих первых в лагеря.

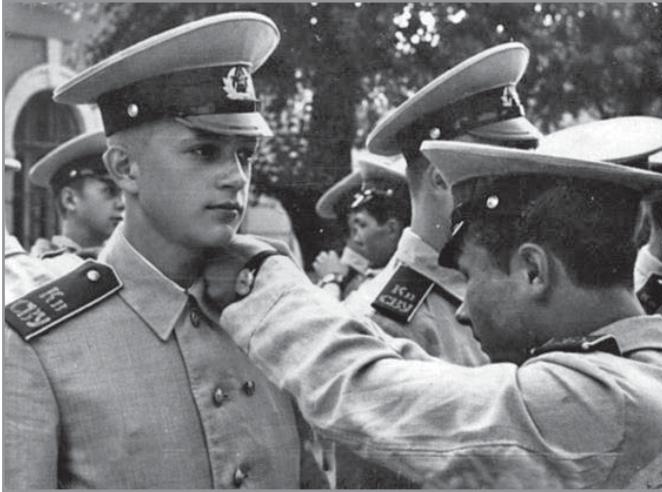
По многолетней традиции «старики», сбегали с занятий, выходили к забору и махали отъезжающим белыми платочками. Со временем командование узаконило этот неизбежный ритуал. Прохожие с большим удивлением смотрели на происходящее.

Фото из архивов Музея истории КвСВУ

Прощание со «стариками»

Пристегивание суворовских погон «стариком»

Торжественное прохождение новоиспеченных суворовцев

**После вручения суворовских погон.
Слева направо: теть Люся, мама Аркаши Поляновского, папа,
суворовец Владимир Волошенко, младшая сестра суворовца В. Волошенюка
Виктория, суворовец Аркадий Поляновский, мама, дядя Володя,
папа суворовца А. Поляновского**

Из устава Корпуса, утвержденного в ноябре 1731 года

Надзиратели обязаны иметь над вверенными им кадетами «радетельное смотрение, дабы они во всех своих поведениях, то еже добродейание, учтивость, пристойная покорность и честь повелевает, всегда чинили, а лжи и неверности и прочие шляхетству непристойные пороки заранее у них весьма искоренены были».

Всех кадет в Корпусе положено обучать математике, рисованию, артиллерии, фортификации, фехтованию, верховой езде и «прочим к воинскому искусству потребным наукам. «А понеже, — далее говорится в указе, — не каждого человека природа к одному воинскому склонна, тако-ж и в Государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при этом учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцования, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому-б и к учению определять».

Из подробного рассмотрения устава 1766 года,

со всеми приложениями, выясняется, что главными руководящими началами при его составлении служили нижеследующие положения:

1) Каждое воспитательное заведение должно «не науки токмо и художества умножить, но и вкоренить добронравие и любовь к трудам, новым воспитанием новое бытие даровать и новый род подданных произвести».

2) Воспитание в Кадетском Корпусе имеет целью:

а) «сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды», и

б) «украсить сердце и разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину». «Надо возрастить младенца, — сказано в приложении к уставу, — здорового, гибкого и крепкого, и вкоренить в душе его спокойствие, твердость и неустранимость».

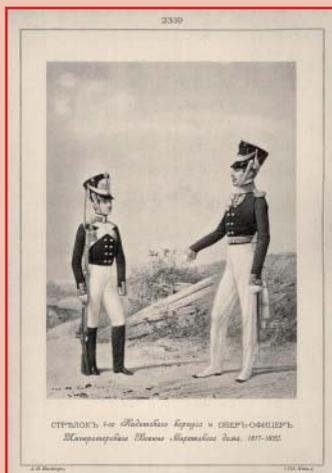
3) До того времени Корпус готовил только «исправных офицеров»; новый же устав дает ему более широкое назначение, как «училищу знатных граждан»; кроме того, общеобразовательные предметы признаются необходимым элементом и собственно офицерской подготовки, так как «к произведению войны со славою надлежит быть весьма искусну и в прочих знаниях».

4) Успех воспитательного заведения зависит преимущественно «от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом и благонравием, а не заразившихся надутым видом и угрюмостью, так как педанство есть сущая пагуба воспитанию, и пример есть действительнее всех наставлений». «Без хороших воспитателей», — сказано в заключение, — тщетны все предписания».

5) «Исправления нравов скорее и удобнее можно достигнуть способами кротости, нежели строгостью и силой; если начальники, офицеры и учителя питомцев своих наставлять будут с любовью и ласкою, а учить их станут больше разговорами и рассуждениями, нежели заставляя непрерывно сидеть над уроком в принужденном и здоровью вредительном наклонении, то юношество великие окажет во всем том успехи, что только от возраста его требовать можно».

6) Чтобы начало учения не запугивало детей, следует «приводить их к нему подобно как в приятное и украшенное цветами поле»; затем «все учение надобно приобретать наибольше зрением и слухом, ибо потеряны будут и труды, и время, если непрестанно читать и наизусть учить станут».

Из устава Пажеского Корпуса 1802 года: „обхождение с пажами и камер-пажами было вежливое, непринужденное, благопристойное и без грубости, не только на деле, но и на словах, так как не страх, а убеждение в их обязанностях долженствует ими руководствовать».

**На переднем плане кадеты в форме
Владимирского Киевского кадетского корпуса**

Главнейшею целью нравственного воспитания кадетов закон ставил «соделание их добродетельными и благочестивыми». Общее направление воспитания в военно-учебных заведениях основывалось «на любви к Богу, на благоговении к постановлениям Святой Его Церкви, на сыновней преданности Престолу, на бескорыстной любви к Отечеству, на душевном сознании долга семейного и общественного, военного и гражданского, и на современном состоянии наук в просвещенном мире».

Выбор воспитателей для каждого заведения возлагался непосредственно на его директора, в числу главнейших обязанностей которого закон относил наблюдение за тем, чтобы «только люди истинно достойные, с чистою нравственностью, с познаниями и способностями к воспитанию, были допускаемы к важной должности воспитателей»

ОФИЦЕРЫ-ВОСПИТАТЕЛИ

Первым командиром 1-го взвода, начиная с «абитуры», был майор Шевцов. Он запомнился как выдержанный, достаточно строгий и педантичный офицер. Форма на нем сидела, что называется «с иголочки». Но не прошло и месяца, как он исчез в буквальном смысле слова. В воскресенье роту повели на экскурсию на ВДНХ. От роты ответственными были два офицера — он и командир 2-го взвода капитан Васюкевич. К Васильеву на выходные приехал папа, а поскольку в увольнение «молодых» еще не отпускали, он присоединился к культпоходу на ВДНХ. Как и положено, после завершения мероприятия он вместе с товарищами командирами по «отдельному плану» пошел закрепить знакомство.

В понедельник командир 1-го взвода не вышел на службу, с тех пор суворовцы его больше никогда не видели. Позже выяснилось, что он ушел в глубокий запой и вообще уехал из Киева. О его судьбе толком никто ничего не узнал. Этот случай предоставил Васильеву возможность побывать в «святая-святых», а именно — в кабинете начальника училища генерал-майора Кауркина И.И. В середине недели его прямо с уроков вызвали сначала к командиру роты, который и направил Васильева в штаб.

Все для суворовца Васильева было, как в тумане. Начальник училища очень вежливо расспросил и о воскресном походе на ВДНХ, и о папе, на том все и закончилось.

Через месяц 1-му взводу представили нового командира взвода, капитана Доценко Владимира Автономовича. Небольшого роста, поджарый, с тонкими ухоженными усиками на смуглом лице, он носил знак ВУ на кителе, означавший окончание среднего военного училища. В народе этот знак расшифровывали: «Вроде Учился».

Произвище для командира взвода родилось и закрепилось сразу же, «Доцент». Отношения у взвода с новым командиром сложились доброжелательные и остались такими на всю жизнь. В нем импонировали такие черты, как уважительное отношение и стремление быть справедливым к суворовцам. Хотя ему и доставалось из-за мягкости его характера от командира роты. Суворовцы 1-го взвода замечали слегка снисходительное отношение к нему со стороны других командиров взводов роты и возгордились им, когда он обставил всех их на появившемся в ленинской комнате биллиарде. Сказался опыт службы в Группе советских войск в Германии. Когда «Доцент» был ответственным офицером по роте в выходные дни, он приводил с собой своего одиннадцатилетнего сына. Тот ходил со взводом на приемы пищи. Все относились к нему с особой теплотой, узнав, что его мама умерла, а к маме он не питал теплых чувств. Впоследствии Саша тоже стал суворовцем.

Командиром 2-го взвода был капитан Васюкевич, прозвище — «Пеликан» из-за орлиной формы его носа. Запомнился он своим громогласным голосом, будившим во время подъема роту, и неизменной фразой на протяжении двух лет, набившей оскомину:

— Одеjala, одеja-яла, одеja-я-я-яла, одеja-я-я-яла откинули!!!

Звучала она раз пять подряд с переливами, как ария Мефистофиля из оперы Фауст в исполнении Муслима Магомаева, и это в семь утра.

По требованиям командиров суворовцы должны были после подъема отбрасывать одеяла вместе со второй простыней на спинки кроватей у ног, для проветривания на то время, пока они находились на утренней физической зарядке. Заправка постелей с выравниванием полос на одеялах по ниточке, растягиваемой на все кровати ряда дежурными, осуществлялась после зарядки.

И еще запомнилось, что капитан Васюкевич очень много курил, и почти всегда папиросы с названием «Беломорканал».

Командиром 3-го взвода был капитан Рыбачук. Самое яркое воспоминание о нем связано с его импровизированными лекциями на медицинские темы, в частности об особенностях женских половых органов. В свое время он отучился на фельдшера, поэтому всегда с удовольствием садился на «метлу» вопросов суворовцев во время самоподготовки и увлеченно рисовал мелом на доске эти органы, пускаясь в пространные объяснения. А папа Васильева после общения с ним дал ему свое прозвище, «Товарищи Бандеры» после байки, рассказанной Рыбачуком за столом, о проверке караула ночью в Западной Украине. Начальник караула, увидев спящего часового, накрыл его плащ-палаткой, а тот, проснувшись, с испугу начал кричать: «Товарищи Бандеры, не убивайте, я вам все расскажу».

Командиром 1-й роты на первом году обучения был подполковник Соловьев. Он при общении с суворовцами был вежлив, словно перед ним были воспитанницы Смольного института благородных девиц. Если кто-то оказывался перед строем по его команде для получения замечания или взыскания, подполковник Соловьев несколько раз извинялся за то, что ему приходится это делать. Звучало это примерно так.

— Товарищ суворовец, я прошу простить меня за грубое выражение по отношению к вам, извините меня за то, что я вынужден это говорить, но вы..., я еще раз прошу прощения за это грубое слово, вы нерадивый суворовец! И суворовец «стыдись» до глубины души, мысленно потешаясь над забавным подполковником, становился обратно в строй.

А подполковник тем временем в этом же стиле предлагал всем суворовцам, кто пойдет на прогулку в свое личное время на улицу обязательно надеть «шинэлочки», потому что там холодно.

Воистину, все познается в сравнении. После ухода подполковника Соловьева на пенсию, в конце 9-го класса командиром роты был назначен майор Пырч. Фамилия была такая, что даже прозвища не потребовалось для него. Словно Аракчеев через века перевоплотился в него со всеми вытекающими последствиями.

— Суворовец «*Иванов*» раз, два, молодец парень, еб... тв... ть...! Бегом ко мне!

Вот такое нетрадиционное обращение к себе услышал «нерадивый» суворовец, некогда потешавшийся над милейшим подполковником Соловьевым.

Отдельное пристальное внимание он уделял заботе о крепком сне суворовцев. Будучи командиром взвода в 3-й роте, еще до перехода на должность командира 1-й роты, он любил после отбоя включать свет, когда слышал разговоры в расположении, и крепкими нецензурными выражениями призывать ко сну всех суворовцев.

Во время летних лагерей суворовцам после обеда выделялось время для дневного отдыха, как «тихий час» в пионерском лагере. Естественно, что не все спали в отведенное время, а многие лежали и разговаривали, иногда дурачились, кого-то из сладкоспящих даже мазали зубной пастой. У Пырча

и на это появился свой оригинальный метод воспитательной работы.

— Рота, подъем! Построение на линейке! Форма одежды: «трусы, сапоги»!

— Пять кругов вокруг лагеря бегом, марш!

Кроме каламбуров, пригодных для дисбата, майор Пырч во время парадной подготовки роты любил использовать тоненькую тросточку для повышения строевой выучки юнных барабанщиков 1-й роты, открывающих парад. Некоторым доставалось «по мягкому месту» этой тросточкой. Такие приемы он, очевидно, почерпнул из военно-исторического наследия самого Павла I-го.

И когда на строевой тренировке, пятясь назад, и дирижируя тросточкой, он, зацепившись за бордюр, грохнулся на газон, это не вызвало сострадания в сердцах суворовцев 1-й роты, лица их лишь сияли «добрыми улыбками». Должно быть, это был для него знак, которого он не разглядел.

Последней каплей, переполнившей чашу кадетского терпения, стал случай с суворовцем 1-го взвода Мишей Присикайло. Пырч вытащил его за ухо из строя взвода за разговоры, протащил вдоль строя и поставил перед ротой для проведения профилактической работы. От усердия, с которым он это делал, у Миши было до крови надорвано ухо.

В тот же вечер перед отбоем во взводе было проведено экстренное комсомольское собрание. Надо положить этому «край»! Такое решение было принято единогласно.

Благодаря инициативе политотдела, в училище была внедрена такая форма общения, как вечер вопросов и ответов с командованием училища. Проводил такие вечера лично начальник училища. Ящик для вопросов был установлен в холле возле дежурного по училищу.

Офицеры-воспитатели и преподаватели, страница из выпускного альбома

Вопрос суворовцев 1-го взвода 1-й роты состоял в уяснении роли и места рукоприкладства со стороны командира 1-й роты Пырча в процессе обучения и воспитания в стенах СВУ.

Во время очередного такого вечера все с волнением ждали, чем закончится эта история. Записки лежали перед начальником училища, он их зачитывал и сразу же отвечал на поставленные вопросы.

— Есть вопрос от суворовцев 1-го взвода 1-й роты..., дальше последовала пауза.

— С этим мы будем разбираться отдельно! — как отрезал, произнес сердито Иван Иванович.

Через месяц Пырч был отправлен в войска для дальнейшего прохождения службы. Никто об этом в 1-й роте не жалел, кроме некоторых офицеров, попытавшихся негласно вычислить инициаторов письма.

Служили еще в роте три прапорщика в должности помощников офицеров-воспитателей, они оставались ответственными по роте и выполняли другие распоряжения ротного. Отношения кадетов с ними не сложились. Один из прапорщиков был уволен за растрату государственных денег. Двое других не пользовались абсолютно никаким авторитетом, в чем и получали периодически подтверждение во время вечерних прогулок в виде «паровозика» или общественного порицания вместо строевой песни. Это, когда по счету три-четыре звучало громогласное: «У сука!».

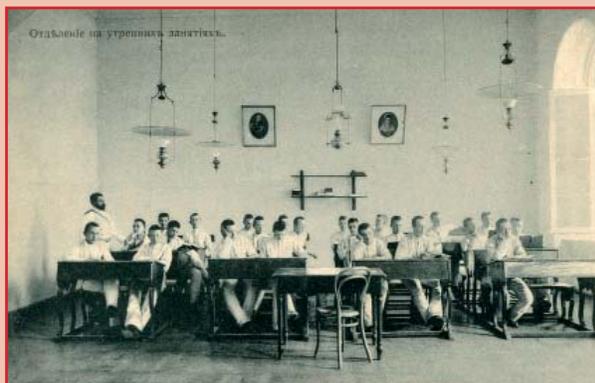
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из устава Корпуса, утвержденного в ноябре 1731 года

В Корпус принимаются исключительно дворяне, уже обучившиеся грамоте; учебный курс разделяется на четыре класса и в трех высших продолжается 5 или 6 лет, «дабы, довольное и фундаментальное в науках искусство кадеты получать могли, и несовершенно и безосновательным учением тем чинам, в которых впредь определяются, вместо ожидаемой пользы, вреда причинено не было».

Степень нравственного достоинства воспитанников принято было определять баллами, причем полное их число — 12 — выражало поведение отличное, 11 и 10 — очень хорошее, 9, 8 и 7 — хорошее, 6, 5 и 4 — посредственное, 3, 2 и 1 — дурное.

Вместе с тем, для доставления возможности: ближайшему начальству — следить за успехами в науках, нравом и поведением каждого воспитанника во все время пребывания его в заведении, а начальству высшему — поверять действия воспитателей, с 1835 г. установлены аттестационные тетради, бланки для которых, за шнуром и печатью, выдавались от Штаба на каждого из воспитанников поименно; в эти тетради ротные командиры должны были собственноручно вписывать: переходы воспитанников по классам, получаемые ими баллы, все поступки, заслуживавшие одобрения или порицания и, наконец, общую характеристику каждого воспитанника. Аттестационные тетради рассматривались три раза в год воспитательным комитетом заведения и, по требованию Штаба, отсылались на его ревизию.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Уже на «абитуре» стало понятно, что главным предметом в училище является математика, и чтобы успевать по этому предмету на «хорошо» надо будет очень постараться.

Первая же встреча с преподавателем математики Лушпеем Владимиром Анатольевичем заставила еще сомневающихся оставить все надежды на спокойную жизнь.

У него было маниакальное отношение к своему предмету, как будто всем предстояло стать военными математиками. Требовательность его повергала всех в состояние «ступора». Ситуация усугублялась, тем, что каждая полученная двойка: будь-то письменная самостоятельная работа, или устный ответ — автоматически опускала шлагбаум для очередного увольнения в город.

Особенно тяжело приходилось суворовцам 1-го взвода на уроке алгебры, если он проходил по расписанию после второго завтрака. Сам этот элемент распорядка дня, непонятно почему, очень раздражал Владимира Анатольевича. На попытку выстоять у доски, решая задачу, обреченному урезалось время на обдумывание. Далее на его голову обрушился праведный гнев. Обвинения звучали очень язвительно. При этом Владимир Анатольевич почему-то вместо буквы «х» использовал букву «ф».

— Вже все, вже фатит! Вы посмотрите на него: булочку с сырковой массой покушал. Вже ничего суворовцу Палосконосу не надо. Садись, два.

Жертве этой математической экзекуции становилось не по себе от угрызений совести за съеденные зря продукты и перспективы пересдавать полученную пару. Так от доски прямая дорожка вела в субботу на ПЛБ, вместо Крещатика.

Однажды на комсомольском собрании, уже в конце десятого класса, Владимира Анатольевича повергло в прединфарктное состояние заявление замкомвзвода Володи Загоруйко. В отчаянии и за все математические страдания тот категорически заявил, что пойдет в морскую пехоту, потому что там математика не нужна, и «думать» надо ногами. Представить себе, что где-то не нужна математика, ревностный ее преподаватель просто не мог. В общем, его боялись и уважали.

Иначе все обстояло с преподавателем физики. Он был моложе Владимира Анатольевича. Вначале всем imponировала его демократичность и либерализм. Но постепенно за всем этим показным поведением проявились другие черты. Он стал «стучать» командиру взвода и роты на «неблаговидные» проступки отдельных суворовцев и взвода, при этом, ничего не говоря в глаза. И еще: во взводе у него появились «любимчики», оценки которым, по мнению коллектива, завышались.

Именно это стало причиной появления довольно обидного прозвища для физика: «копейка». Чтобы дать ему понять, как к нему относится взвод, кем-то был предложен оригинальный способ. В большой, толстый классный журнал в раздел «физика» перед его уроком клалась монетка, а именно копейка. В первый раз, когда это было сделано, и он увидел ее, открыв журнал на нужной странице, он резко поднял голову и стал внимательно осматривать каждого суворовца. На всех лицах была изображена сама невинность.

Ритуал с монеткой продолжался длительное время, обязанность вкладывать ее в журнал возлагалась на дежурного по взводу. Теперь физик ни на кого не смотрел, а просто щелчком отфутболивал ее из журнала.

В группу же любимчиков попал Аркаша. Самое удивительное то, что он не обременял себя, особенно на самоподготовке, изучением данного предмета. Со словами, обращенными к соседу по парте Сергею Хорошайло: «Серега, спать — умираю», он подкладывал учебник под голову и сладко засыпал, а на следующий день бодро докладывал у доски пройденный материал. Но его отношение к физику было солидарным с коллективом, что он и продемонстрировал однажды с присутщим ему простодушием.

Решая у доски задачу, в то время, когда преподаватель был к нему спиной, а к взводу лицом, Аркаша мелом на доске написал слово из трех букв. После бурной реакции взвода физик обернулся, и увидел дополнение к условию задачи, сделанное шаловливой рукой Аркаши. Последовала немая сцена, и Аркаша, поплевав на пальцы, стал стирать срамное слово, что-то при этом бормоча о своей невиноватости.

Нехорошее отношение к физику сохранилось до самого выпуска, более того, в качестве последнего жестокого жеста прощания на ватманском листе была изображена копейка, а с обратной стороны поставлены росписи всех суворовцев взвода. Послание вложили в большой конверт и поручили ПИНу его отправить. Как ПИН признался через много лет, он этого не сделал, пожалев физика.

Русский язык и литературу преподавала милейшая Софья Самойловна Виноградова. Она запомнилась мягкой улыбкой и теплым отношением ко всем, даже троечникам. Благодаря ей произошла наша первая встреча и знакомство с театром. Это был ее любимый Театр русской драмы имени

Леси Украинки. Она выбирала спектакли, которые, наверняка, должны были понравиться суворовцам. Одним из первых на прославленной сцене они увидели пьесу Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» с блистающим в роли Глумова молодым Валерием Сивачем и калоритными Николаем Рушковским и Юрием Мажугой. Для многих знакомство с театром переросло в любовь на долгие годы, и спектакли, увиденные тогда, казались самыми лучшими. Поэтому в театр стали ходить не только во время культпоходов, но и самостоятельно во время увольнений. Тем более что иногда и билетов не требовалось, очень интеллигентные «билетерши» пропускали бесплатно улыбающихся им кадетов. А те в свою очередь одаривали их по-гусарски шоколадками.

В общем 1-й роте очень повезло с преподавателем русского языка и литературы, потому что была и другая, уже грустная история с преподавателем этого предмета. Это была родная сестра Маршала Куликова, запомнившаяся своей чопорностью и строгостью. Так вот, она добилась исключения из училища суворовца, который, не подумав, брякнул о «дорогом Генеральном секретаре ЦК КПСС Леониде Ильиче Брежневеве», во время просмотра программы «Время», что он, мол, похож на старую обезьяну. Это стало известно в политотделе, ну и пошло-поехало... Как раз недавно «дорогому и любимому» было присвоено очередное воинское звание — Маршал Советского Союза и его большой портрет в маршальской форме с «иконостасом» наград висел перед входом в актальный зал. На портрете он выглядел даже лучше сестры Маршала Куликова.

На нее, кстати, была возложена еще одна государственная задача по индивидуальному обучению русскому языку сына Президента Уганды, Табана Амина.

Он был зачислен в 3-ю роту и постигал кадетскую науку наравне со всеми, проучившись год, он стал настоящим

стариком, шокируя своим разгильдяйским видом молодых, увидевших его впервые. Всем он запомнился улыбающимся, с портативным японским «панасоником», который он слушал, сидя на широком подоконнике в коридоре, вскакивая при прохождении офицеров. Судьба его неизвестна после свержения кровавого диктатора-папашки и друга Советского Союза, оказавшегося еще и людоедом.

Общественные науки были представлены в девятом классе обществоведением, а в десятом — этикой (марксистско-ленинской, конечно). Такие предметы, как риторика, мораль и геральдика по программе кадетских корпусов не представляли интереса для советской средней школы.

Преподаватель обществоведения Вашнев В.А. с грохотом открывал дверь в класс и буквально вбегал, бросая на ходу:

— Здраствуйте, товагищи сувоговцы!

Далее следовало сакраментальное:

— Дежурный, а подели-ка мне досточку, да на семь часточек.

Могло быть и 5, и 6, и 8. Дежурный добросовестно выполнял задание, а товарищ преподаватель, как из пулемета, по журналу называл тех, кому статья к «багъегу». Далее каждому ставился вопрос, и давалось 5–7 минут на письменный ответ. После окончания отведенного времени он давал команду по местам, отрывая от доски задержавшихся, и начинал «разбор полетов» с выставлением тут же оценок. Все проходило шумно и весело. Надо заметить, что до этого он, под запись, излагал довольно нудный материал предмета, стараясь подать все марксистско-ленинское наследие удобоваримо и короткими тезисами. Его конспекты многим помогли уже в высших военных училищах. В них все было четко, кратко и понятно. В общем, милейшей души был человек.

В отличие от кадетских корпусов, где изучались немецкий, французский, латинский (для желающих) языки, в СВУ

учили только один, английский или французский. Майор Царьков, старший преподаватель английского, запомнился своей требовательностью к четкости доклада дежурным по классу, естественно, на английском языке, о готовности взвода к занятиям и об отсутствующих. Этот доклад запомнился всеми, как «Отче наш», в старое дореволюционное время. Что касается развития навыков разговорной речи, то они сводились к одной теме — допрос военнопленного. Все остальное — это тексты по организации армии вероятного противника и о «Моей родине СССР». В результате такой подготовки суворовец мог разговаривать только с военнопленным.

Готововились к занятиям в отведенные часы самоподготовки, три часа по пятьдесят минут каждый с десятиминутным перерывом после каждого часа.

В эти часы каждый занимался тем, что его сердцу мило. «Зубрилки» зубрили под язвительные насмешки товарищей, желающие вздремнуть складывали книги стопочкой вместо подушки и мирно засыпали за столом. Зимой для мягкости на книжки клали шапку, сложенную пирожком. Из «интеллектуальных» занятий успехом пользовалась игра «морской бой». В общем, в классе царил атмосфера английского клуба. Много читали художественной литературы, передавая друг другу самые интересные книги. Дискуссии проводились на самые разные темы, от обсуждения пережитий прошедшего вечера тацев до составления планов на всю оставшуюся жизнь.

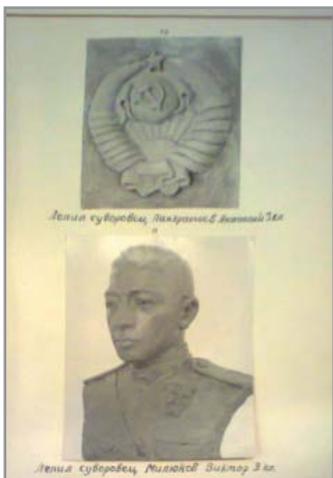
На самоподготовке

Преподаватель обществоведения Вашнев Владимир Алексеевич

Преподаватель русского языка и литературы Виноградова Софья Самойловна

Фотографии из архивов музея истории Киевского СВУ

Старик Табан Амин

Фото с маршалом на память

Смотр художественной самодеятельности

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В день открытия Корпуса, 17-го февраля 1732 года, в нем числилось всего 56 воспитанников, а в следующем же месяце их оказалось уже более 300, вследствие чего, по докладу графа Миниха, издан был, 12-го мая 1732 года, новый штат Корпуса на 360 человек, с разделением их на три роты; по новому штату на содержание Корпуса повелено отпускать от Военной Коллегии ежегодно по 68.403 р.

Летом того же года началось в Корпусе классное преподавание, на которое посвящалось время от 6-ти до 10-ти часов утра и от 2-х до 4-х часов пополудни; сверх того, на внеклассные учебные занятия и упражнения полагалось ежедневно по 4 часа. Вставали воспитанники в исходе 5-го часа утра, в 6-м часу завтракали, в полдень — обедали, в 8-м часу ужинали, а в 9 ложились спать.

В следующем году, по поводу побега из Корпуса 5-ти воспитанников, состоялось Высочайшее повеление о том, чтобы, «впредь, ежели кадеты в таковых побегах явятся, чинить штрафы за первый побег — отсылкою для учения с солдатскими детьми, в гарнизонную школу, на полгода, а за второй — в оную ж школу на три года».

Все наставники обязаны «точно узнавать склонности обучающихся, дабы для пользы их можно было употреблять заблаговременно различные средства».

Кадеты Полоцкого кадетского корпуса

Совершенно необходимо, чтобы все воспитатели и учителя «не только в науках были искусны, но и юношеству бы во всем примером служить могли»; в виду же трудности приискания таких воспитателей, заведение всячески должно заботиться о «сохранении найденных и ободрении их, чтобы в должности не ослабевали и чрез несколько времени не сделались бесполезными».

Вместе с тем, заведения обязаны были ежемесячно представлять в Штаб ведомости о воспитанниках как отличившихся хорошим поведением, так и подвергшихся взысканиям, с означением проступков и рода взысканий. Кроме обычных школьных наказаний, в заведениях допускалось, за более важные проступки, снятие погонов с куртки, помещение имени виновного на черную доску, надевание серой куртки и, в крайних случаях, наказание розгами не иначе, как с разрешения директора; при явной же неэффективности всех исправительных мер, дурные воспитанники переводились в батальоны военных кантонистов, или же, по достижении 16-ти лет, назначались на службу нижними чинами в армейские полки.

Внутренний порядок в заведении должен «отвращать кадет от праздности», приучать их самих к уходу за собою («исправляться без служителей»), и отнюдь «не производить в юношах вредительных образований страха, которых трудно истребить, когда единожды вкоренятся; игры же и гулянье должны служить кадетам в пользу и в увеселение, с предоставлением им благопристойной вольности выбирать оные по своим летам так, чтоб самые забавы не казались им должностью».

СТАРШИНА 1-й РОТЫ

Иван Григорьевич Коваленко прибыл в Киевское СВУ для дальнейшего прохождения службы в 1955 году. За его спиной была солдатская служба в морской пехоте, о которой красноречиво напоминала на стене каптерки репродукция батальной картины «Черноморцы» художника Виктора Пузырькова. На ней морские пехотинцы во время Великой Отечественной войны под огнем противника высаживались на берег. Работая над книгой, автор этих строк вновь увидел эту картину в Национальном художественном музее Украины.

В 1974 году, когда старшина принял 1-ю суворовскую роту будущего 28-го выпуска, в его послужном списке значились почти двадцать календарных лет службы в училище. Через его руки прошел не один суворовский выпуск. А начиналась его служба в те годы, когда в стенах училища воспитывались и учились еще дети войны. «Семилетчики», так уважительно называли кадетов, которым выпало учиться в училище семь лет.

Многие мальчишки, потерявшие родителей в годы войны, некоторые сами, прошедшие войну в качестве сыновей полков и батальонов, они стали для него такими же близкими, как родные дети.

Суровая отеческая забота о воспитанниках-суворовцах — это главное качество Ивана Григорьевича. На нем и держал-

ся его непререкаемый авторитет до последнего дня службы в училище. Именно это отличало его от офицеров и прапорщиков, пришедших из войск, не сумевших избавиться от армейских привычек, и видевших в суворовцах маленьких солдат.

Его слово было решающим в роте. Заслужить авторитет в его глазах командирам взводов, да и ротному было очень непросто.

Как-то даже начальник училища Иван Иванович высказался о нем: «Этот премудрый старшина 1-й роты...». В этих словах проскользнули ревностные нотки.

Под его строгим руководством суворовцы постигали азы армейской жизни, начиная от умения правильно и красиво подшить подворотничок к кителю, наладить стрелки на брюках при подготовке к наряду, правильно намотать портянки, когда переходили на зимнюю форму одежды, предполагавшую юфтевые сапоги...

Отдельной, доселе неведомой, наукой стало умение скатать шинель в «скатку» и приторочить ее к вещевому мешку, это уже перед летними лагерями. Никакая фантазия четырнадцатилетних юношей не могла себе представить раньше, что шинель может выглядеть по форме, как «полбублика».

Укладка же ее до идеального вида на вещьмешке по сложности казалась сродни укладке парашюта.

Особое внимание старшина, как выходец из морской пехоты, уделял чистоте и порядку в расположении роты. Латунные краны в умывальной комнате должны были блестеть, «как у кота яйца», паркет — сиять, на зеркалах — ни пятнышка, туалет — идеально чист, шинели на вешалке висеть однообразно и аккуратно эмблемой наружу. В общем, все, как на корабле. Иногда старшина напоминал грозного боцмана во время приборки корабля. И тут уж было все: и

«гром, и молнии», и «боцманские крепкие выражения», проносимые хорошо поставленным басом.

Надо ли говорить, что старшина со своим опытом за версту видел все хитрости и «мелкие дисциплинарные злодеяния» юных подчиненных, возомнивших себя бывалыми кадетами. Иногда казалось, что он и мысли их читает наперед.

У Ивана Григорьевича был свой арсенал воспитательных методов на все случаи жизни. За два года учебы почти каждый суворовец хоть однажды побывал у него в каптерке на беседе. Выходя порой минут через сорок, после «душевных» нравоучений, «нарушитель» готов был на любое наказание, только бы снова не оказаться в каптерке.

Как-то ПИН влетел в класс на самоподготовке весь взъерошенный и перевозбужденный. Он размахивал руками и праведно возмущался тем, что «Борман» обвинил его в возможной измене родине, если так все будет продолжаться.

А вина ПИНа заключалась в том, что он нарвался на старшину на лестнице, возвращаясь с перекура во дворе. Старшина, конечно же, учуял запах, а соответствующий внешний вид Игоря с расстегнутой верхней пуговицей на кителе и болтающимся ремнем лишь довершил картину «морального падения» суворовца Плосконоса.

«Экзекуция» в каптерке проходила традиционно. Иван Григорьевич грозно восседал за столом, и тяжелым взглядом, проникавшим, казалось, до мозга костей, смотрел на переминающегося с ноги на ногу провинившегося.

Дальше следовало монотонное: «бу-бу-бу» о пагубности нарушений дисциплинарного устава. Исторический экскурс мог начинаться со времен Адама, в зависимости от наличия у старшины свободного времени. В этот момент он действительно напоминал Бормана из любимого кинофильма. Возможно, кто-то, выйдя после перевоспитательной бе-

седы, «в сердцах» и нарек Ивана Григорьевича этим солидным прозвищем, закрепившимся за ним на все оставшиеся годы. До этого у него было прозвище, данное «семилетчиками», «Коваль». Говорили, что он немного обижался на второе прозвище, но слов из песни не выкинешь. Хотя были и более обидные прозвища. Так, одного из командиров рот звали просто «Козел».

Следующим по строгости наказанием для провинившегося суворовца было объявление одного наряда вне очереди на службу. Каждый такой объявленный наряд был на строгом учете у «Бормана». Ритуал его объявления имел традиционные особенности. Суворовец стоял перед строем с опущенными глазами, а «Борман» кратко, но емко описывал «тернистый путь» проштрафившегося, который довел его до этого наказания. Отдельное распоряжение отдавалось заместителю командира взвода, а именно: проследить за тем, чтобы заступление в наряд совпало с днем, когда ответственным в роте будет старшина роты. Идеальным днем, с его точки зрения, являлась суббота. Таким образом, гарантировалось 24-часовое особо пристальное внимание старшины на качество работы дневального по поддержанию внутреннего порядка в расположении роты под монотонное «бу-бу-бу».

Но были у старшины и свои слабости. Он очень любил старинную матросскую песню «Варяг», поэтому, по его просьбе, рота самозабвенно пела ее во время вечерней прогулки, когда он дежурил. На строчках «Прощайте, товарищи, с Богом, ура!» все одновременно срывали с головы фуражки и поднимали их вверх.

Расчувствовавшись после песни, на вечерней поверке он благостно шутил. Одной из тем была, кто первым из роты женится. Иван Григорьевич обещал это сказать перед выпуском. И когда пришел этот долгожданный час, он, после драматиче-

ской паузы, торжественно объявил, словно это был победитель премии Оскара, — Аркаша Поляновский. Рота взорвалась гомерическим хохотом. Аркаша, зардевшись, смущенно улыбался.

Приезжая после выпуска в родную «кадетку», суворовцы с волнением заходили в каптерку, где грозно восседал «Борман». Он тепло всех встречал, подробно расспрашивая о жизни в военных училищах. И для каждого у него находилось воспоминание об их «кадетских подвигах».

Васильев увидел Ивана Григорьевича через много лет на праздновании 60-летия Киевского суворовского военного училища. Казалось, он совсем не изменился. Он был в темном мешковатом гражданском костюме, в белой рубашке с галстуком с эмблемой из пяти колец Олимпиады-80.

Иван Григорьевич очень мягко упрекнул Васильева в том, что за столько лет он не проведал его. От мягкости, с какой это было сказано, Васильеву стало ужасно стыдно и известно от того, что так все получилось.

Оправдывал он себя только тем, что все это время его папа поддерживал тесные дружеские отношения с семьей Ивана Григорьевича, передавал ему приветы от Володи, навещая его.

Хотя мысли и планы встретиться с «Борманом» возникали у Васильева неоднократно, чаще всего за столом при встрече с однокашниками-кадетами.

К этому времени Иван Григорьевич, оставив дочери квартиру в Киеве, жил в селе в Киевской области.

Игорь Плосконос, уже будучи депутатом Верховной Рады, помог провести газ в его село. Правда, до этого, ПИН получил еще один воспитательный урок от «Бормана», приехав к нему поздно ночью «навеселе» после какого-то очередного депутатского застолья. Угрызения совести не давали

покою Игорю, и он мучительно рассказал об этом Васильеву. А тогда Иван Григорьевич дал команду хозяйке накрыть стол, вел степенный разговор, а утром очень мудро и до боли мягко дал ему понять, как он к этому относиться.

Аркаша Поляновский, вернувшись после нескольких лет жизни в Штатах, занялся аптечным бизнесом в Киеве. Он поставил Ивана Григорьевича и его семью на «бесплатное аптечное довольствие» практически до конца жизни.

Добро не забывается, товарищ Старшина!

Суворовцы-«семилетчики» в столовой Киевского СВУ

Художник В. Пузырьков. «Черноморцы». Написана в 1947 году

Внутренний порядок в расположении роты

**В центре Герой Советского Союза Игорь Плосконос,
справа от него командир 1-го взвода 1-й роты Доценко Владимир Автономович,
старшина 1-й роты Коваленко Иван Григорьевич**

**Данилов Владимир и Оськин Александр у старшины роты
Коваленко Ивана Григорьевича.
19 июня 2009 года. Киевская обл., Переяслав-Хмельницкий р-н, хутор Ленино**

Особенное внимание обращено было на строевую подготовку будущих офицеров, для чего, между прочим, дворяне и кадеты участвовали ежегодно (до 1812 года) в летних практических походах, располагаясь лагерем в окрестностях столицы, в Стрельне и в Петергофе; в это же время их знакомили на практике с производством простейших саперных и топографических работ.

Вместе с тем заведения обязаны были ежемесячно представлять в Штаб ведомости о воспитанниках как отличившихся хорошим поведением, так и подвергшихся взысканиям, с означением проступков и рода взысканий. Кроме обычных школьных наказаний, в заведениях допускалось, за более важные проступки, снятие погонов с куртки, помещение имени виновного на черную доску, надевание серой куртки и, в крайних случаях, наказание розгами не иначе, как с разрешения директора; при явной же неуспешности всех исправительных мер, дурные воспитанники переводились в батальоны военных кантонистов, или же, по достижении 16-ти лет, назначались на службу нижними чинами в армейские полки.

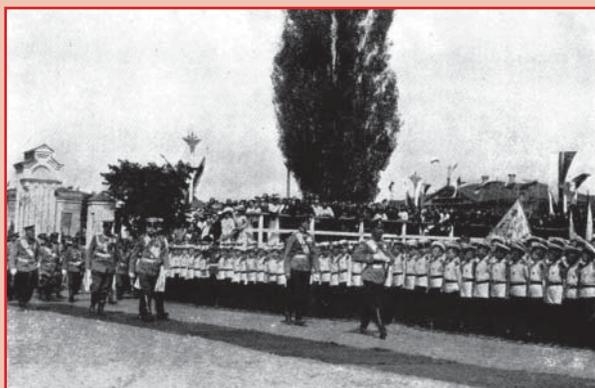
Наконец, мерами для поощрения воспитанников служили: выдача похвальных листов и книг в подарки, помещение на красные доски имен наиболее отличившихся, производство в ефрейторы, в младшие и старшие унтер-офицеры и в фельдфебели, наконец, предоставление различных преимуществ при выпуске на службу, о чем будет сказано ниже.

Сверх того, «да возбуждения в воспитанниках соревнования и стремления к воинским доблестям», повелено было иметь: в рекреационных залах всех заведений — серые мраморные доски с именами отличнейших из числа воспитанников каждого выпуска, а в церквях заведений — черные мраморные доски, для помещения имен всех бывших воспитанников, «павших на воле чести или умерших от полученных в сражении ран, в каком бы офицерском чине ни постигла их славная смерть воина»

Главную целью физического воспитания в военно-учебных заведениях поставлено было «сбережение и подкрепление здоровья, развитие и усовершенствование телесных сил воспитанников, дабы сделать их способными к перенесению трудов военной жизни»;

В лагерное время, с усилением строевых занятий, им посвящалось ежедневно по пяти часов, а на повторение пройденного в предшество-

вавшем учебном курсе назначалось не более двух часов в день. На основании вышеприведенных указаний и данных в законе инструкций для точного исполнения всеми служащими их обязанностей, в каждом заведении составлялись подробные распределения занятий воспитанников и, вместе с другими общими распоряжениями, объявлялись в приказах по заведению.

«ЛАГЕРЯ»

Настало лето. В Киевском СВУ, как и во всех средних школах Киева, закончилась четвертая учебная четверть. Летняя жара дополнялась горячими экзаменационными днями. После сдачи экзаменов за 9-й класс у школьников начинался заслуженный отдых, а все суворовцы с нетерпением ждали отъезда в полевой лагерь на целый месяц.

Подготовка к первому полевому выходу началась с прибытия в роту ненавистной парикмахерши. По требованию командира роты она произвела свою обычную экзекуцию — стрижку безобразную, но однообразную, а на этот раз еще хуже — «суровый бокс». Даже к 1-му сентября, она побаловала всех «полубоксом», принятым ротой с покорной обреченностью. Теперь же, накануне летних каникул для кадетов, переходящих в статус «стариков», ее «старания» воспринимались, как унижение их личного достоинства. Каждый выходил из бытовой комнаты, превращенной в «цилюрню», остриженный, как «тифозник», с торчащими ушами и матерными словами на устах в адрес Пырча.

Следующим обязательным элементом подготовки стала чередой строевых смотров. Ну, как без них! Чтобы служба медом не казалась, командиры до одури проверяли готовность полевой формы, противогазов, вещевых мешков, наличие однообразных бирок на всей этой пехотной «сбруе». Некоторые

из них делали это с явным удовольствием. В итоге, на отдельные легко ранимые души кадетов эта солдафонская суета так подействовала, что они зареклись поступать в общевоисковые училища, мысленно отдав предпочтение в пользу инженерных военных специальностей, а самые романтичные — профессии военных летчиков. Решение стать моряком после СВУ очень не приветствовалось командованием училища и расценивалось им, как личное оскорбление.

Стало абсолютно понятно, что в 1-м взводе ни за какие коврижки не станет пехотинцем, конечно же, Аркаша Поляновский.

Игоря Плосконоса нисколько не напугала «пехотная романтика», вопрос состоял только в выборе города на карте Советского Союза, где находились «общевоисковые кузницы советских полководцев».

Васильев пока находился в «раздумиях» между желанием то ли стать морским офицером, потому что в детстве с родителями побывал на Авроре и танцевал в детсаду «Яблочко», или же военным переводчиком (о наличии такого вуза знали очень мало, информация не распространялась и, как стало понятно, попасть туда было практически невозможно).

Но это была отдаленная перспектива, а пока все вместе радовались тому, что после лагерей для них заканчивалась эра «мальчиков», становившихся «стариками», и еще предстоял летний отпуск. В планах ПИНа и «Волошонка» (отдельное спасибо «англичанке», подменявшей преподавателя майора Царькова, за искажение фамилии, давшей повод получить соответствующее прозвище во взводе Володе Васильеву) на первом месте стояла поездка в село в Житомирскую область к бабушке Васильева.

Лагерь проводились на полевой базе Киевского высшего общевоискового командного училища (КВКУ)

возле села Старэ, Бориспольского района Киевской области. Вообще КвСВУ считалось подшефным училищем для КВОКУ. Этому способствовала крепкая дружба начальника КвСВУ Ивана Ивановича Кауркина с начальником КВОКУ Ляшко Вениамином Ивановичем («Веня» — для курсантов КВОКУ). Оба они были танкистами и служили в какой-то период вместе. Очень забавно было видеть двух генералов, идущих вдоль строя в обнимку на парадных тренировках. Именно поэтому разрядка после окончания киевской «кадетки» для зачисления в КВОКУ была самая большая. Но на поступление туда могли рассчитывать только отличники и «хорошисты».

Суворовское училище имело свою площадку для летнего лагеря. На ней были оборудованы цементные каркасы под палатки для трех рот, из расчета одна палатка на отделение. В палатках на деревянных настилах были установлены нары. Перед палатками — асфальтная «линейка» для построений и деревянные «грибки» для несения службы дневальными по ротам. В тылу, как во дворе провинциального города, местными умельцами были сотворены каменные постройки, только в них размещались не сараи, а оружейные комнаты и каптерки.

В лагерях со свежим воздухом к «кадетам» пришло ощущение свободы. Территория огромная, вокруг — лес и раздолье для курильщиков. Комары, правда, допекали. Но и к ним «кадеты» привыкли, обливая себя дешевыми цветочными одеколонами, чаще — «Гвоздикой». Самоподготовка в распорядке дня отсутствовала, вместо нее достойное место занимала спортивно-массовая работа. Поэтому кадеты много гоняли в футбол, усиленно качались, готовясь показать себя во всей красе в летнем отпуске, фотографировались с обнаженным торсом во время выполнения упражнений на спортивных снарядах.

Занятия по одиночной тактической и огневой подготовке проводил «Доцент». Он, как пушкинский «мусье», сильно этими занятиями не допекал, а еще в лес и на речку гулять водил.

Кроме того, в этот же период началась стажировка у курсантов 3-го курса Киевского ВОКУ, и каждый взвод получил по стажеру-курсанту на должности командиров взводов. И, таким образом, кадеты стали постигать азы будущей курсантской жизни. Началось все со знакомства с «вокерской» модой, существенно отличавшейся от «кадетской». Кадетам было чему поучиться. Сапоги хромовые офицерские имели «глаженные» голенища, брюки х/б ушиты так, что напоминали гусарские рейтузы, китель тоже ушит, но имел удлиненный фасон, фуражка-аэродром, шита в специальных ателье. Некоторые, «родовитые курсанты», носили генеральские фуражки, позаимствовав их у отцов или дядей. Полевая сумка носилась не на уровне ремня, как требовалось, а болталась на максимальной длине ремня, как планшет у летчиков. Занятия курсанты-стажеры проводили или совместно с командирами взводов, или самостоятельно. Иногда они «гоняли» кадетов даже сильнее, чем их офицеры-воспитатели.

Служба войск в лагерях тоже имела свои особенности. В наряды кадеты ходили по лагерю, по столовой и по озеру «Святому». Самым малоприятным считалось дежурство по лагерю. Надо было все время торчать под грибком, а главное — не пропустить появления начальства в лагере. А чего стоила уборка территории под неусыпным присмотром «Бормана»! Утром он чуть свет появлялся в лагере для проверки порядка. И тогда над палатками на заре проплывал его бас: «Дневальный, до подъема еще час», — и дальше: «бу-бу-бу», — в течение этого самого часа. Многие просыпались от этого утреннего «бухтения», проклиная старшину вместе с его порядком.

Наряд по столовой в лагерях был легче, чем в училище, потому что готовили пищу только на три роты, а не на шесть. И еще вечером, после окончания всех работ можно было поджарить картошку, пользуясь добротой местного персонала.

Самым же приятным заслуженно считался наряд по озеру «Святому». В этот наряд отряжались два «счастливчика». Озеро находилось километрах в шести от лагеря. В озере училищными физруками был оборудован «плавательный бассейн», где проводились занятия по плаванию или просто организованное купание после тактических занятий. Физруки жили в палатке, для наряда тоже была отдельная палатка. В распоряжении наряда имелись удочки, поэтому на ужин часто бывала уха или жареная рыба. Одним словом — не наряд, а санаторий на сутки. Поэтому, чтобы все было по-честному, на этот наряд тянули жребий.

Что же до Пырча, то он тоже был в восторге от представившихся возможностей для воспитания молодого племени в условиях полевой жизни. Такое универсальное «воспитательное средство», как противогаз, он использовал при каждом удобном случае.

В отличие от него, «Доцент» поступал, как настоящий командир, по принципу «делай, как я». Однажды на занятиях по оружию массового поражения на лесной полянке, он напялил на себя общевойсковой защитный комплект, хорошо знакомый по аббревиатуре ОЗК, противогаз и в таком комичном виде рассказывал о действиях бойца на зараженной местности. Кадеты, потешаясь, сидели на травке и юморили над ним. Когда шутки достигли самой большой остроты, он строго сказал: «Я все слышу», — чем вызвал еще большее оживление у обучаемых.

Пырч же стал широко известен после организованного им забега 1-й роты в трусах и сапогах во время тихого часа.

Но и после этого он не унимался. С воспитательной целью он провел еще несколько марш-бросков с полной выкладкой с преодолением «участка зараженной местности» в противогазах. Единственным ответом кадетов Пырчу в сложившейся ситуации стало периодическое написание «нехороших» слов на пыльных и побитых «Жигулях» командира роты. Его машина тоже получила имя — БМП (боевая машина Пырча). Из достоверных источников всезнающие кадеты знали, что он на ней после отбоя ездит к местным барышням-колхозницам в ближнее село.

После первой недели лагерей для 1-й роты произошли изменения в распорядке дня, а именно: один час спортивно-массовой работы был заменен «уроком музыки». Не зря говорил один из русских полководцев: «Господа офицеры, любите барабан, это божественная музыка». Под руководством прибывших музыкантов из училищного оркестра 1-ю роту начали готовить к ноябрьскому параду. Традиционно все парады открывала рота суворовцев-барабанщиков. Однажды, еще в детстве, когда Вова Васильев ехал с родителями к бабушке в село через Киев, он увидел прохождение суворовцев-барабанщиков по Крещатику, и с тех пор желание стать суворовцем превратилось в его путеводную звезду. И вот, сбылась его мечта! Суворовцам раздали барабаны и палочки к ним. В лагерях музыканты начали обучение барабанной дроби, с которой суворовцы должны маршировать в парадном строю. А обучение ходьбе строевым шагом с барабанами предполагалось начать на училищном плацу после летних каникул, уже при непосредственной подготовке к параду. Самой драматичной в этом процессе стала тренировка отмашки рукой с палочками после того, как заканчивался барабанный бой. То и дело кто-то при отмашке со всей силы ударял пальцами по металлическому «барашку» барабана, разбивая пальцы до

крови. И тогда над строем раздавались «выражения», характеризующие отношение кадетов к барабанной музыке. И еще — часто от таких ударов палочки взлетали вверх над строем, создавая необычную картину, дополненную известными выражениями. Уроки барабанной музыки на лесной лужайке не всем пришлось по вкусу, о чем свидетельствовало периодическое появление барабанов с пробитой кожей. Чинить «раненные» барабаны приходилось музыкантам оркестра, которые тоже не подбирали слов для оценки деяний «злых кадетов».

Если говорить о других культурных мероприятиях, то они не отличались многообразием и сводились к культпоходам в летний клуб для просмотра кинофильмов. Для суворовцев фильмы «крутили» по субботам и воскресеньям. Но в лагерях находились еще и «вокеры». Для них, как для взрослых, были дополнительные киносеансы в будние дни после наступления темноты, когда для суворовцев уже прозвучал сигнал трубы «Отбой». Конечно же, находились те, кто уходил в «самоход» в кино, а заодно и покурить в компании «вокеров». Но однажды произошел массовый «самоход», когда в клубе показывали французскую кинокомедию «Великолепный» с Бельмондо. Ответственные дежурные офицеры по ротам все, как по тревоге, прибыли в клуб для отлова кадетов. Во время этого неблагоприятного занятия они не столько наловили самовольщиков-кадетов, сколько услышали массу эпитетов в свой адрес от недовольных кинозрителей-курсантов.

Через месяц военно-полевой жизни кадеты с радостью возвращались в училище загоревшими и посвежевшими, в приподнятом настроении. «Понюхав полевого пороху», они уже думали, как можно будет небрежно поделиться со школьными друзьями дома «о лагерных подвигах». И, наконец, все ощутили, что по праву стали настоящими «стариками».

Палаточный городок Киевского СВУ

Фотографии из архивов Музея истории Киевского СВУ

Суворовец В.Волошенко на полевых занятиях

Суворовец И.Плосконос, разборка автомата Калашникова

ЛЕТНИЙ ОТПУСК

После приезда из лагерей, как и положено в армии, для пропитанных солью и потом полевой жизни суворовцев, была организована баня. Вообще в баню во время учебного года водили раз в неделю. В банный день меняли постельное и нательное белье, а также носки летом или портянки зимой. В кадетских корпусах тоже раз в неделю организовывали баню, но нательное белье меняли два раза в неделю (вот что значит «проклятый» царский режим).

По праву банный день считался «старшинским днем». В роте царила шумная суета по сдаче и получению белья. Командный бас «Бормана» сопровождался назойливым «писком» ротного каптерщика Сереги Скуловатого, щуплого и невысокого роста, но очень строгого, под стать своему учителю и наставнику. В отсутствие старшины он был полномочным хозяином в каптерке, раздражая всех своим визгливым тоном и неоправданными строгими порядками. Подчиняться же им приходилось всем поневоле. Попасть в каптерку, где хранились запасные комплекты формы и «парадка», а также личные вещи, невозможно было без разрешения Сереги, так как у него находились ключи. И если возникала срочная необходимость получить «парадку» для внеочередного выхода в город или взять что-то «ценное» в личных вещах, надо было кланяться милости у «каптера». Иногда все оказывались зави-

симыми от настроения каптенармуса. Каждый, выходящий из каптерки, поминал его «не злым, тихим словом». Серега также властно командовал замкомвзводами по линии хозяйственной части. Те, опять же, бурча, покорно подчинялись, поскольку иначе можно было нарваться на самого «Бормана», если что не так. После выпуска из СВУ Серега поступил в КВОКУ, и с авторитетом каптерщика самого «Бормана»(?) сразу же занял должность каптера 4-й роты, потому как равных ему в этом ответственном деле не было. Но теперь вступило в силу кадетское братство и к «своим» он благоволил.

Сдав после лагерей выгоревшую и пропитанную пылью и потом полевую форму, все с радостью облачились в кадетскую черную «парадку». С отъездом после выпуска из училища «стариков» в широких коридорах главного учебного корпуса было непривычно тихо и немногочленно. Прибывшие после лагерей кадеты в полной мере ощутили себя старшими в большом «суворовском доме». На последнем построении роты, когда отпускные предписания уже были розданы, портфели и чемоданы с собранными вещами стояли в классе, кадеты с нетерпением ждали окончания инструктажа Пырча в «стиле Пырча». Правила поведения в железнодорожном транспорте, при одиночном купании, на пожаре, при переходе улицы излагались им с традиционным набором выражений, отсутствующих и в общевоинских уставах, и в обычной лексике уважающих молодежь офицеров. Команда «Разойдись» была встречена вздохом всеобщего облегчения. Расставались шумно и весело. Группами, парами и поодиночке в ускоренном темпе счастливые отпускники покидали училище.

Днепропетровская компания во взводе знала, что «Волошонок» и «ПИН» едут сначала к бабушке в село, а потом уже домой. Обычно билеты на поезд покупали вместе, чтобы ехать на каникулы в одном купе.

До станции Яблонец Васильев с ПИНОм добирались электричками с двумя пересадками сначала в Малине, а потом в Коростене. На станциях ели мороженое, глазели на окружающих, оценивая красоту местных девочек. На себе тоже ощущали теплые взгляды простых людей, сильно отличающихся своей одеждой говором от столичной публики. Внимание же к их особам объяснялось всенародной любовью к людям в форме.

Когда Васильев был еще школьником, он каждое лето проводил в селе. Как раз в летний период проводились учения частей и соединений Киевского военного округа, дислоцировавшихся в Житомирской области. Колонны бронетехники совершали дневные и ночные марши, проходя через село. Люди выходили из домов и тепло приветствовали родную армию. Девчонки бросали цветы, хлопцы — яблоки. Взрослые выносили из домов еду и молоко, останавливали некоторые боевые машины и угощали, «чем Бог послал», чумазах и счастливых солдатиков. Для пацанов же, верхом счастья было, если какая-либо машина останавливалась на короткое время из-за технической поломки, тогда и они тащили все, что можно, из хаты и даже отцовскую самогонку, облепливали машину, как мухи, по очереди мерили шлемофоны, просили солдат дать посмотреть и поддержать автоматы.

Вместе с приятными ощущениями отпускникам-суворовцам приходилось немножко и страдать от летней жары в своей черной парадной форме. Дабы уменьшить эти тяготы, верхние пуговицы кителей были всегда расстегнуты, а фуражки сдвинуты на затылки. Короче, «первые парни на деревне». Не зря же говаривал Козьма Прутков: «Хочешь быть красивым, иди в гусары». В дороге и во время ожидания следующей электрички ПИН и Волошонок вели задушевные беседы, в основном, о курсантском будущем. За год

учебы они стали закадычными друзьями, делясь друг с другом самым сокровенным, и проводя много времени вместе. В наряды по роте и в увольнения они старались тоже ходить вместе. В одном из таких нарядов ночью оба заснули, сидя на стульях, перед этим установив очередь «кому быть на часах», и были «застуканы» дежурным по училищу. Утром «сонные мальчишки» так же вместе стояли в каптерке и мужественно отвечали за содеянное «Борману» по всей строгости дисциплинарного устава. Во время часа воспитательной работы не обошлось без поучительного исторического примера с героем Гражданской войны Василием Ивановичем Чапаевым...

От станции Яблонец до села Камянка, где жила бабушка, было шесть километров. Когда был жив дедушка, он всегда выезжал на лошадях на станцию встречать внука. Поездки на тряской телеге, запряженной двумя колхозными лошадьми, запомнились Васильеву на всю жизнь. В селе, пока шли к дому бабушки, на улице здоровались со всеми встречными — такова сельская традиция, живущая и поныне. Иногда их останавливали и подробно расспрашивали о жизни в городе и в училище.

Дядя Саша Беляков, голова «колхозпу», жил недалеко от бабушки и знал Васильева с детства. Встретив суворовцев, он очень серьезно рассказывал о показателях урожая и достижениях колхоза, затрагивал тему политики партии и правительства, вот тут юным военным и помогали знания по обществоведению. Хотя и до изучения этого предмета, бывая в селе, и видя тяжелый труд хлеборобов при сборе урожая, Васильев не понимал, почему в сельмаге не было хлеба в продаже каждый день. Его привозили только по определенным дням, и Вова терпеливо стоял в очереди вместе с сельчанами, когда бабушка посылала в магазин. Хлеб и батоны все набирали впрок. Очень Васильеву запомнилась первая пенсия де-

душки: он получил всего 12 рублей, и, тем не менее, купил леденцов для своего внука. У бабушки товарищи суворовцы опивались молоком, теплым парным и кислым, спали на сеновале, за обе щеки уплетали картошку, сваренную в чугунных «баняках» в большой печи. Их бабушка ловко отправляла туда ухватом. Когда она извлекала их из огня обратно, на картошке, лежавшей сверху была пригоревшая корочка, необыкновенно вкусная.

Вечером в гости приходили родственники и соседи посмотреть на «гарных» суворовцев, много фотографировались. Потом эти фотографии в рамочках и под «рушниками» красовались на стене в бабушкином доме и в доме тети Васильева в соседнем селе Рясно, куда ходили в гости и рыбачили на речке с двоюродным братом, тоже Вовой. Однажды, дурачась, его переодели в форму Игоря, и он гордо прошелся по селу, повергнув в полное недоумение односельчан.

В один из первых вечеров, когда на улице после дневных работ собиралась молодежь для шумных посиделок, и похода в клуб на танцы, к бабушке приехала на велосипеде дочка крестной мамы Васильева, их ровестница. Она подъехала к стоящим у ворот дома будущим «охвицерам» и так засмотрелась на ПИНа, что не успела соскочить с тормозившего «велика», и упала вместе с велоспедом прямо к ногам оторопевшего от неожиданности Игоря. Он бросился ей помогать подняться с земли, при этом лица их стали очень красными. Потом они допоздна гуляли на лугу у речки и сидели на лавочке у дома почти каждый вечер...

К сожалению, вольница отпуска и радость приятных впечатлений заканчивалась. Надо было возвращаться в Киев.

Обратно билеты на Киев помогала «доставать» мама Аркаши, милейшая тетя Люся, она работала в кассе днепропетровского автовокзала, и имела связи с коллегами желез-

нодорожного сообщения. Аркаша и «ПИН» садились в поезд в Днепропетровске, провожаемые большой Аркашиной семьей с шампанским, весельем и специфическими шутками Аркашиного папы, дяди Володи. В кругу своих он часто называл Аркадия нежно «поцом» и «сволочью», но звучало это совсем не обидно. Уже в пути, в поезд в Верхнеднепровске подсаживался вице-сержант Миша Кравченко, командир 2-го отделения 1-го взода, которого «Доцент», нервничая, называл «Мишя», а в Пятихатках формирование компании завершал Васильев.

Поскольку в поезде ехало много других представителей Днепропетровской области, в дороге молодые, веселые ребята ходили друг к другу в гости или собирались в одном купе для ужина, чем приводили в «волнение» проводниц. По кругу шла бутылка (чаще всего недорогого «Портвейна»), ну и потом — эмоциональные военные разговоры с перекурком в тамбуре в расстегнутых «по-гусарски» кителях и с непременным ухаживанием за девушками, если такие оказывались в попутчицах.

Васильев вернулся из Афганистана в ноябре 1983 года, и хотел поехать сразу в село, но отложил поездку из-за путевки в санаторий. В январе 1984 года бабушка умерла. Как ему потом рассказывали близкие, все два года она по воскресеньям ходила в село в Рясно в церковь. Там она на коленях молилась, чтобы внуки вернулись живыми с войны. Двоюродный брат Вова тоже попал солдатом в Афганистан, где он служил водителем КАМАЗа, и тоже вернулся живым.

Позже, когда Васильев приезжал к бабушке в село, его обязательно расспрашивали о судьбе Игоря, и радовались хорошим новостям. Игорю больше не удалось побывать в селе, где его всегда помнили и помнят сегодня...

На каникулах в селе

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Кадетские Корпуса по нынешнему их усовершенствованию дают весьма достаточно и хорошо образованных артиллерийских офицеров для обыкновенных потребностей сего оружия».

«Во время Восточной войны (1858–1856 г.) вполне безупречными родами оружия оказались артиллерийские и инженерные войска только потому, что большинство офицеров в артиллерии и саперных батальонах было из Военно-Учебных Заведений».

Военно-Учебные Заведения постоянно удостоивались Монаршей признательности «за доставление Армии, по всем родам оружия, надежных офицеров, усердных, нравственных, образованных и способных», и за «похвальное служение в войсках бывших питомцев этих заведений, в которых они приобретали, с основательными в науках познаниями, навык к строгому исполнению предстоявших им на службе обязанностей»

Тех воспитанников, кои по достижении 16-ти-летнего возраста оказывались совершенно неспособными продолжать курс учения, или же, при дурном поведении, не подавали никакой надежды к нравственному исправлению, предписано было переводить в армейские полки нижними чинами, или выпускать в гражданскую службу канцелярскими служащими, с назначением особых сроков выслуги до производства в первый офицерский или классный чин. В крайних случаях исключались из заведения и не достигшие сказанного возраста, если они порочною своею оказывали вредное влияние на товарищей, или же, пробыв два года в одном классе, не удостоивались перевода в следующий класс; таковых воспитанников предписано было безотлагательно возвращать их родителям и опекунам, или же выписывать в батальоны военных кантонистов, где они оставались до 18-ти-летнего возраста и затем определялись в армейские полки на общем основании».

ЗВЕРИАДА

XIV ВЫП. (последнего в России)

**Одесского Вел. Князя Константина Константиновича
кад. корпуса, произведенного в Новороссийске, во время
эвакуации в Туапсе.**

Друзья, уж близок час разлуки,
Ни мне, ни вам не разгадать
Куда забросит нас судьбина,
Где будем век свой коротать.

Среди улан, среди ль гусар,
В рядах ли гвардии лихой,
Иль в кабинетах чинодралов,
Иль незавидной пехтурой...

Друзья, наполним же бокалы!
Пусть влага брызнет и кипит.
И пусть сам Вакх в пылу веселья
Союз наш братский закрепит.

Теперь, друзья, пока мы в сборе,
Пока есть время, помянем
Все наши радости и горе
И Звериаду петь начнем.

Темно, темно, темно, темненько!
Священный град Одесса спит.
И посреди степей Херсонских
Лишь филин жалобно кричит.
Державной волей Николая

Воздвигнут мрачный монастырь,
Вершиной в небо упирая,
Стоит он словно богатыйрь.
Но в нем не иноки святые
И не монахи в нем живут,
Тот монастырь по всей России
Одесским корпусом зовут.

В нем мы, отшельники, томились,
Семь лет подряд зубрили, бились!
За то теперь мы юнкера —
Ура! Ура! Ура! Ура!

Прощай же класс наш для науки,
Где мы сидели до весны,
И протирали наши брюки
На грязной парте из сосны.

Прощай же церковь корпусная,
Мы много раз стояли в ней
И все, конечно, мы желали,
Чтоб служба кончилась скорей.
Прощай столовая ты наша,
И с тараканами бульон,
Прощай же гречневая каша
И с нею жулик эконоом.
Прощай же ротный зал кадетский
И безнашивочный мундир!
Здесь запах, точно как в мертвецкой,
Здесь тошно зреть на Божий мир!
Прощай еще наш клуб кадетский,
Где долг природе воздаем,

Где курим мы табак турецкий,
Где Звериаду мы поем!
Прощай пустынный тихий карцер,
Тебя я часто посещал,
Сидел там злющий и голодный,
И все на свете проклинал.
Прощай еще наш лазарет,
С служителями, докторами,
Где не желали нас лечить,
И салицилкой угощали!
Прощай урочная система!
Тебя для нас уж больше нет,
Ты нам до черта надоела
И ты годна лишь для кадет.
Прощай и класс наш музыкальный,
Где царство труб и царство нот,
Где человек простой, нормальный,
Пробывши день — с ума сойдет.

Прощайте иксы, плюсы, зеты!
Здорово шашки, кивера!
Ура! Мы больше не кадеты,
А молодые юнкера!..
Усердно помоляся Богу,
Кадетам прокричав «ура»,
Прощайте, братцы, нам в дорогу,
А вам уж спать давно пора.

ЧЕСТНОЕ КАДЕТСКОЕ

В своде сложившихся негласных правил и принципов «кадетского кодекса», «когда юность, подпоясана ремнем», понятие «честное кадетское» прочно занимало свое место. Оно ставилось гораздо выше, чем прививаемые косомольско-партийные клише, типа смехотворного «кодекса строителя коммунизма».

Эти святые слова означали истину в последней инстанции как в «играх», скрашивающих повседневную монотонную и регламентированную жизнь, так и в более серьезных ситуациях. Если надо было что-то подтвердить или в чем-то убедить, то они означали — сказанному верить! Нарушить такую «клятву» считалась немислимым. За такой юношеской «игрой» формировались жизненные принципы будущих офицеров.

Когда на втором году учебы начался процесс собеседований с целью распределения по училищам, ПИН и Волошонок уже твердо решили, что будут поступать в Высшее Общевоинское Командное Училище (ВОКУ). «Аркадиков» выбрал Пушкинское училище радиоэлектроники, где не грозило прыгать через коня.

Статус «хорошиста» и секретаря комсомольской организации взвода позволял Володе Васильеву рассчитывать на направление в Киевское ВОКУ.

У Игоря Плосконоса, из-за удовлетворительных оценок в табеле, эта возможность практически отсутствовала. Конечно, он мог бы высказать такую просьбу и, учитывая его семейные обстоятельства, командование училища, скорее всего, пошло бы ему навстречу. Но это для него являлось неприемлемым, поскольку было бы нечестно по отношению к своим товарищам. И еще: в нем всегда была готовность рвануть с места в карьер, броситься в драку первым. Это качество воспиталось улицей шахтерского городка и помножилось «кадеткой».

Игорь вместе с другими ребятами выбирал общевоинские училища из тех, что находились в столицах союзных республик и других крупных городах. И в этой ситуации выбора свою роль сыграли такие факторы, как отзывы выпускников и собственные представления и оценки. К примеру, Московское ВОКУ считалось «задроченным» «плац-парадами». Бакинское ВОКУ в среде кадетов считалось разгильдяйским, но в нем на первом месте стояла боевая подготовка. Игорь выбрал Бакинское ВОКУ.

При внешней бесшабашности свою боль он носил всегда в себе. За два года жизни и учебы в СВУ он ни разу не коснулся темы трагической гибели родителей, а Васильев и не спрашивал об этом, понимая, что ПИН не хочет об этом говорить.

Родители Васильева очень тепло относились к Игорю. Папа Васильева, оставшись в детстве сиротой, как никто, понимал, как Игорю тяжело, и как он нуждается в моральной поддержке. Он же с тревогой отнесся к тому, что за столом Игорь мог выпить наравне со взрослыми. Когда Игорь уже учился в Баку, папа, мама и сестра Васильева приехали в Баку навестить его.

На 28-й выпуск киевских суворовцев съехались родители и близкие. Праздник проходил по устоявшемуся сценарию, торжественно, но утомительно. После построения на

плацу, три роты строем выдвинулись к памятнику Славы для ритуала «прощания со знаменем училища», где после короткого митинга возложили цветы к Могиле неизвестного солдата. Затем строем вернулись на построение на плацу училища. Снова митинг, поздравления, цветы, фотографирование, родительские слезы, но теперь уже счастливые. И, наконец, прохождение последним торжественным маршем. Строй пестрит разными цветами курсантских погон.

Курсантская форма «пригнана» уже с пониманием всех нюансов военной моды и двухлетним опытом ношения военной формы одежды. Вместе с формой приготовлены именные «крабы», так называли знаки об окончании СВУ. Они вручались на торжественном построении. Знаки были одинакового образца для всех суворовских училищ Советского Союза. В царской России напротив, каждый кадетский корпус имел свой знак. Встречаясь, выпускники разных поколений сразу отличали своих однокашников по нему.

В исправление советской системы обезличивания какой-то умелец и любитель фалеристики изготовил знак, но вместо букв СВУ на нем красовалась надпись с указанием города, где находилась родная кадетка. Так у киевлян появился именной знак и он был не менее дорог сердцу чем казенный, полученный от Министерства обороны Союза. Васильев носил всю службу его на кителе, а подлинник оставил в родительском доме. Мама поместила его на почетном месте в серванте возле семейного богатства в виде ваз и бокалов из чешского хрусталя. Кстати слабым звеном этого знака было то, что маленький круглый «барельеф» с портретом Суворова в центре знака держался на клею, поэтому иногда отпадал и был риск его потерять.

В Киеве именные знаки изготавливались на заводе «Арсенал». Перед каждым выпуском возле СВУ появлялся представитель рабочего класса с предложением оптовой про-

дажи знаков. В ротах централизованно сдавали деньги своему уполномоченному для осуществления закупки знаков. Стоил он 10 рублей, что считалось недешево по советским меркам. Знак был на «закрутке» под нее на внутренней части кителя крепился алый суворовский погон.

Кроме индивидуальной подготовки к выпуску осуществлялась и коллективная. В ознаменование очередного 28-го выпуска в Киевском СВУ на трубе училищной котельной утром в день праздника должен был появиться флаг. Он изготавливался из простыни и на нем делалась надпись с номером выпуска, в данном случае – 28-й. По договоренности водрузить «знамя победы» ночью должна была 3-я рота. Выход на улицу из ее расположения находился как раз напротив маленького сада за забором, на территории которого находилась котельная с каменной трубой и железной лесенкой на ней.

Из поколения в поколение передавалась легенда о том, что кадеты Владимирского Киевского кадетского корпуса по случаю выпуска водружали кадетскую фуражку на крест святому Владимиру на Владимирской горке. Как они это делали, остается только догадываться.

Вот и все!

После мероприятий на плацу выпускников вместе с родителями пригласили в суворовскую столовую на обед с праздничным меню. Некоторые отцы, в том числе и отец Васильева, на обеде отсутствовали. Они по каптеркам и канцеляриям инкогнито со «специальным взрослым» меню от-

мечали с офицерами рот и старшинами выпуск, чем заставили изрядно волноваться и сердиться мам.

Позже предстоял ужин в семейном кругу. Родители Васильева для этого остановились в гостинице Москва.

Накануне выпуска во взводе долго и бурно обсуждался вопрос, как отметить выпуск в составе взводного коллектива. Дискуссию вызвало то, где собраться, чтобы отпраздновать выпуск путем распития «не лимонада». Смущало, что все хотели быть в военной форме, а Комендатура Киевского гарнизона проинформирована командованием училища о выпуске с тем, чтобы не допустить коллективных нарушений воинской дисциплины. Многим просто не хотелось неприятностей в этот день.

В конце концов, победило предложение провожать отъезжающих выпускников на перроне вокзала с шампанским. Так и сделали, радуя молодежной церемонией пассажиров и железнодорожников.

Для многих это расставание оказалось прощанием на всю жизнь. В полном составе кадеты-выпускники 1-го взвода 1-й роты 28-го выпуска Киевского Суворовского Военного Училища больше никогда не встретились.

Фотография с командиром 1-го взвода майором В.А.Доценко (Доцентом) на память перед выпуском.

**В первом ряду: справа суворовец В.Волошенко, суворовец С.Гогонов.
Во втором ряду: слева суворовец И.Плосконос, суворовец В.Малуша**

**После торжественного вручения знаков об окончании Киевского СВУ.
Слева направо: курсант И.Бордюг, курсант В.Малуша, майор Доценко,
суворовец В.Волошенко**

«ЗАСТОЛЬНАЯ»
(«Кадетская мама»)

С юных лет я навеки твоей ласки лишился
И ушел навсегда из родного угла.
Мама, милая мама, чем я так провинился,
Что меня ты так рано в СВУ отдала?

Незнакомые дяди грубо брали за ворот,
По ночам заставляли полы натирать.
Иногда месяцами не ходили мы в город –
Мы учились искусству людей убивать

Нас ласкали приклады, воспитали наряды,
Часто пыль мы глотали в кадетском строю.
И старушка седая, воду нам подавая,
Головою качала, вытирая слезу.

Я домой приезжаю – плачут сосны и ели
И любая девчонка улыбается мне.
Жаль, пройдут незаметно эти дни и недели
И опять загрущу я по родной стороне.

Тот, кто жил возле мамы, тот, кто жил и учился
Этой песни кадетской не поймет никогда.
Мама, милая мама, чем я так провинился,
Что меня ты так рано в СВУ отдала?

Фото, сделанное с уходящего поезда, курсант Володя Волошенко

Расставание на пероне, в центре Аркаша Поляновский

**З ОФІЦІЙНОГО САЙТУ
ГОЛОВНОГО УПРАВЛІННЯ РОЗВІДКИ
МІНІСТЕРСТВА ОБОРОНИ УКРАЇНИ**

Галерея героїв

Безліч боїв та операцій провів у Афганістані Ігор Плосконос. Проте одним з найбільш складних моментів служби у ДРА стала для нього участь в операції, що проводилась у Мармольській ущелині з метою звільнення захоплених душманами радянських цивільних спеціалістів.

Треба зазначити, що Мармольська ущелина вважалася неприступною. Там душмани заздалегідь обладнали потужну систему довготривалих фортифікаційних та вогневих споруд, які надійно захищали великі печерні сховища зі зброєю та боєприпасами. Саме з цих сховищ забезпечувались незаконні збройні формування, які воювали проти «щураві» на півночі Афганістану. Оборону ущелини забезпечували понад 1300 душманів.

З метою блокування угруповання душманів в ущелині, довкола району операції були висаджені радянські десанти, які мали перекрити маршрути відходу бойовиків з ущелини. Одну з висаджених рот очолив Ігор Плосконос, її завданням було перекрити перевал Базарак та не випустити «духів» з оточення. За розрахунками командування, рота повинна була протриматись там 3 доби, проте довелося відбиватися 10 діб.

*Із спогадів колишнього начальника розвідки 201 мсд
М. Кузьміна:*

«Блокуючи підрозділи мали завдання не випустити з оточення душманів, основний удар яких прийшовся на роту

Плосконоса. Погода була нельотна – щільний туман, наша авіація не могла допомогти. Понад три доби вони відбивалися у повному оточенні. Плосконос уміло розташував свої вогневі засоби та безперервно керував доданими артилерійськими засобами...».

Вітчизна високо оцінила командирський талант Ігоря Плосконоса – 15 листопада 1983 року «за уміле командування ротою під час виконання бойового завдання в районі перевалу Базарак у Мармольській ущелині провінції Балх та збереження життя особового складу, а також проявлені при виконанні інтернаціонального обов'язку мужність та героїзм» Указом Президії Верховної Ради СРСР він удостоєний звання Героя Радянського Союзу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И. Н. Плосконос:
«МЫ ИЗ АФГАНИСТАНА НЕ СБЕЖАЛИ —
МЫ ОТТУДА УШЛИ».

Из интервью А. Данилову, корреспонденту «Газета 2000».
13.02.2009 г.

Игорь Николаевич навсегда останется в нашей памяти исключительно порядочным человеком и истинным патриотом, всю свою жизнь посвятивший служению Отечеству.

Нельзя сказать, что с ним было легко. С людьми, привыкшими говорить правду в глаза, легко не бывает. Но с ним всегда было надежно. Сказанное им остается актуальным и сегодня.

— **«Как афганцы отмечают День 15 февраля?»**

— Афганцы, которые живут в Киеве или приезжают в этот день в столицу, собираются утром у памятника воинам-интернационалистам на нынешней улице Мазепы. Независимо от того, приезжает руководство страны или нет, возлагаем к памятнику цветы. Потом рядом, в церкви Воскресения Христова (мы ее называем «афганской» церковью), проходит панихида. Затем отправляемся во Дворец «Украина» на торжественное собрание и концерт, где исполняются «афган-

ские» песни. Дальше неформальная часть — собираются сослуживцы и празднуют в своем узком кругу.

— **Юбилейные мероприятия этого года будут чем-то отличаться от тех, что проходили раньше?**

— Вы знаете, в последние дни у меня настроение портится все больше и больше. Я неприятно удивлен тем, как руководители разных уровней подходят к вопросу 20-летия вывода войск. Ну как это так! Столица Украины не выделила ни копейки на мероприятия, утвержденные планом Кабинета Министров. На днях состоялось заседание оргкомитета. Кое-как удалось договориться о 500 тыс. грн. на проведение в Киеве Дня воина-интернационалиста. Надеюсь, все пройдет благополучно, но если провалим торжественное собрание во дворце «Украина», — будет просто смех.

— **Но хоть какой-то позитив есть?**

— Конечно, не без этого. Почти 350 ветеранов представлены к государственным наградам, их будет вручать президент. Офицерам запаса будут присвоены очередные воинские звания. Это никак не повлияет на их финансовые дела, но афганцу, которого повысят от старшего лейтенанта до капитана, или даже подполковника — до полковника, на душе все-таки станет немного теплее. Но, в общем-то, в высоких кабинетах нас не слишком жалуют. Украинскому Союзу ветеранов Афганистана и всем тем, кто имеет к нему отношение, уделяется очень мало внимания. «Чужая» война.

— **«Чужая для украинцев война». Что вы думаете об этом?**

— На мой взгляд, такая постановка вопроса просто некорректна. Тогда Украина была частью Советского Союза, и украинцы были гражданами этой страны. Приняв присягу, они выполняли воинский долг. Точно так же они выполняли его в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, Эфиопии и других

странах — ведь войны-интернационалисты это не только афганцы. Могу сказать о себе. Я родился в Павлограде, окончил Киевское Суворовское училище, но потом долгое время к Украине никакого отношения не имел: служил в Азербайджане, на Дальнем Востоке, в Туркмении. И везде я чувствовал себя в родной стране. Потом были Афганистан, Москва, Венгрия. На Украину попал, став народным депутатом Верховного Совета УССР от Сумской области — к ней была прикреплена Южная группа войск, которая дислоцировалась в Венгрии.

— **Вы согласитесь с человеком, который скажет, что Советская армия войну в Афганистане проиграла?**

— Нет. Такая глыба, как Советский Союз, не могла проиграть войну у себя под боком. Если бы дурь наших лидеров зашла слишком далеко, то Афганистан могли бы просто сравнять с землей.

— **В конце 80-х многие любили поговорить о том, что Афганистан это «советский Вьетнам». У вас другое мнение?**

— Разумеется. Давайте посмотрим на карту и сравним, где США и Вьетнам, а где Советский Союз и Афганистан. Это первое. Второе. Вьетнамцы стреляли вслед последнему американскому вертолету. А нас до самого Термеза, до самой Кушки многие афганцы провожали цветами. Поэтому мы из Афганистана не сбежали — мы оттуда ушли.

— **Немало афганцев вспоминали, что пересекая границу, они переезжали из XX века в XIII-й — и в прямом, и в переносном смысле, поскольку в этой стране другое летоисчисление. Вы тоже переместились в другое столетие?**

— Да, пожалуй. Грязь, дувалы, постоянная пыль, одежда местных жителей — все это напоминало, что живут они явно не в XX веке. Но стоило зайти за дувал, как ты мог оказаться уже в XXI-м столетии. Например, я тогда, в 81-м, 82 году, и

мечтать не мог о музыкальном центре японского производства, а у некоторых афганцев такая техника стояла в их глинобитных домах.

— **Когда вы ехали в Афганистан, знали, что едете на войну?**

— В принципе, да. В то время я был командиром десантно-штурмового взвода на Дальнем Востоке и уже читал сов. секретные пособия «Опыт ведения боевых действий в горно-пустынной местности с жарким климатом», подготовленные после первых лет войны в Афганистане. Но то, что я увидел, прибыв к новому месту службы, разительно отличалось от моих представлений. Уже в Кабуле, выйдя из самолета, увидел, как на окраинах шла перестрелка трассирующими пулями, и подумал: «Веселая обстановка...». Потом приехал в Кундуз, в свой разведбат, там еще «веселее» было.

— **Как вы отнеслись к решению о выводе Ограниченного контингента? Знаю, что у многих офицеров, когда они узнали об этом, реакция была негативной.**

— Я реагировал точно так же. Когда узнал, как выводили войска, как бросали все, как оставляли людей на произвол судьбы, — наверное, помните, что случилось с президентом Наджибуллой, — был страшно возмущен. 10 лет мы внушали афганцам, как им нужно жить, а потом взяли и ушли. Много, конечно, делалось неправильно. Вот один пример: происходит реализация разведданных, отрабатывает артиллерия, потом едешь посмотреть, что осталось от бандформирования, а к тебе выходит отец с окровавленным ребенком на руках и говорит: «И ты хочешь, чтобы я поддерживал эту власть? Завтра же возьму автомат и буду убивать вас!»

— **Вы были народным депутатом, работали в Кабмине. Где было труднее — на войне или в кабинетах и коридорах власти?**

— Везде были свои сложности. Два с половиной года в Афганистане лучшей страницей своей жизни я назвать никак не могу — было очень тяжело. У разведдесантной роты, которой я командовал, практически не было выходных — почти все время мы занимались боевой работой. Поэтому, когда вижу наградные листы, где написано «участвовал в 30 боевых операциях», я не могу понять, чем этот человек занимался два года.

— Делами ветеранов каких войн и конфликтов занимается Государственный комитет Украины по делам ветеранов?

— Вот у меня на столе список ветеранских организаций, которые имеют всеукраинский статус и финансируются из бюджета: Организация ветеранов Украины, Украинский Союз ветеранов Афганистана, Украинское общество политзаключенных и репрессированных, Украинский союз заключенных — жертв нацизма, Украинская организация борцов антифашистского сопротивления, Всеукраинская организация инвалидов войны и Вооруженных сил, Общественное объединение ветеранов разведки и т. д. — всего 44 организации. Все они представляют огромный слой населения — ветеранов Великой Отечественной и участников боевых действий.

— В чем заключается индивидуальная работа с ветеранами, которую вы тоже ведете?

— Многие проблемы происходят от того, что люди не знают своих прав. Потому, когда к нам приходит ветеран, мы подсказываем, куда ему нужно обратиться. Комитет и сам может обратиться в любой орган власти, если возникла какая-то проблема. А их много: кому-то недодали пенсию, кого-то незаконно выселили со служебной жилплощади. Жилищный вопрос для ветеранов Вооруженных сил, уволен-

ных в запас, вообще в ужасном состоянии. Еще один пример. Был в Полтаве военный госпиталь, где обслуживали, в том числе и ветеранов. Сейчас его ликвидируют, а людям говорят: «Будете лечиться в Черкассах». Это нормально? Какой ветеран поедет туда на ежегодную медкомиссию? А если он гриппом заболел, — тоже в Черкассы собираться?

— **В 1992 г. был создан Комитет ветеранов войны в Афганистане и военных конфликтов в других зарубежных странах. Потом его несколько раз реорганизовывали, а в 2005-м расформировали. Зачем?**

— При чем сделали это чуть ли не в день рождения Гитлера. Не знаю, это было преступление или кто-то наше руководство просто подставлял.

— **В феврале 2007 г. комитет был восстановлен. Вы участвовали в этом?**

— Да. Но в большей степени это заслуга афганца, народного депутата Сергея Червонопиского, который с 1992 года по 2005 год возглавлял этот Комитет. Этим вопросом также занимались и многие другие. Когда комитет восстановили, первое время было очень тяжело: по штату — 107 человек, а работало всего 8, служебные совещания приходилось проводить где придется (даже у меня дома), поскольку у нас не было нормального помещения, — получили его только пять месяцев назад. Теперь хотя бы не стыдно приглашать ветеранов. Правда, мебель приходилось доставать, используя личные связи. А в декабре прошлого года нам урезали финансирование. Дышим, конечно, но с трудом. В этом месяце я смог своим сотрудникам выдать только чистый оклад, и то не всем. Не говорю уже о деньгах за ранг, за стаж. О премиях вообще молчу.

— **Вам пришлось работать с двумя правительствами, тремя спикерами и президентом, у которого непростые**

отношения с другими ветвями власти. Как уживаетесь с ними? Не жалеете, что окончили академию им. Фрунзе, а не дипломатический вуз?

— Мы оказались на стыке и правых, и левых, и центристов. Но когда крупный политик мне говорит: «Что ты там о жилье или льготах, расскажи лучше как собираешься мирить воинов УПА и ветеранов Великой Отечественной?» — хочется скрипнуть зубами и... но среди военных тоже есть дипломаты...

Папа с Игорем и младшей сестрой Викторией

В родной кадетке. Фото из архивов музея Киевского СВУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наследники полководцев в «Науке побеждать»	3
Предисловие	16
Абитуриенты	27
«Мальчишки» и «Старики»	39
Офицеры-воспитатели	56
Преподаватели	65
Старшина 1-й роты	78
«Лагеря»	89
Летний отпуск	98
Честное кадетское	109
З офіційного сайту Головного управління розвідки Міністерства оборони України	117
Послесловие	119

Літературно-художнє видання

Афганская арена

ВОЛОШЕНЮК Владимир Васильевич

КАДЕТЫ КИЕВСКОГО СВУ

Под редакцией В.И. Аблазова

Дизайн и вёрстка *Н.В. Коваль*

Подписано до друку ??.01.2017.
Формат 60x84 /16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 7,46.
Зам. №

Видавничий дім «КИЙ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників, розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 4646
від 01.11.2013 р.